

Эпосы, легенды и сказания

Махабхарата

*Часть сборника
Махабхарата. Рамаяна (сборник)*

Эпосы, легенды и сказания

Махабхарата

«ЭКСМО»

УДК 82'3
ББК 84(0)3

Эпосы, легенды и сказания

Махабхарата / Эпосы, легенды и сказания — «Эксмо»,

«Махабхарата» («Великое сказание о потомках Бхараты») – одно из крупнейших литературных произведений в мире, объединяет эпические повествования, новеллы, басни, притчи, легенды, рассуждения, мифы, гимны, состоит из восемнадцати книг и содержит более 75 000 двустушии, что в несколько раз длиннее «Илиады» и «Одиссеи» вместе взятых.

«Махабхарата» – источник многих сюжетов и образов, получивших развитие в литературе народов Южной и Юго-Восточной Азии. Великий Эпос повлиял на литературу, изобразительное, театральное и танцевальное искусство и стал неотъемлемой частью культуры не только Индии, но и всего мира.

УДК 82'3
ББК 84(0)3

© Эпосы, легенды и сказания

© Эксмо

Содержание

Великий эпос Индии	6
Махабхарата	20
[Сказание о сыне реки, о рыбачке Сатьявати и царе ШантАну]	21
[Обещание Ганги]	21
[Рождение Шантану]	24
[Сыновья Ганги и Шантану]	27
[Проступок восьми васу]	31
[Шантану находит своего восьмого сына]	36
[Шантану женится на рыбачке Сатьявати]	40
[Бхишма похищает девушек]	45
[Женитьба и смерть Вичитравирьи]	50
[Совет Бхишмы]	55
[Сатьявати с помощью мысли призывает перворожденного сына]	59
[Дети Кришны от двух цариц и рабыни]	63
[Скитания пандавов]	67
[Сказание о Савитри – о жене преданной и любящей]	70
[Царевна Савитри отправляется на поиски жениха]	70
[Савитри выходит замуж за Сатьявана]	73
[Сатьяван и Савитри уходят в лес]	79
[Дары бога смерти]	83
[Бог смерти возвращает Сатьявану жизнь]	89
[Возвращение Савитри и Сатьявана]	94
[О богатыре Карне]	99
[Сказание о чудесных серьгах и панцире]	100
[Бог Солнца является Карне в облике брахмана]	100
[Брахман дарит царевне Кунти заклинание]	106
[Кунти соединяется с богом Солнца]	112
Конец ознакомительного фрагмента.	116
Комментарии	

Махабхарата

- © С. Липкин, перевод на русский язык. Наследники, 2017
- © П. Гринцер, вступительная статья. Наследники, 2017
- © А. Ибрагимов, примечания, словарь. Наследники, 2017
- © Вл. Быков, примечания. Наследники, 2017
- © Б. Захарьин, перевод, примечания, словарь, 2017
- © Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

Великий эпос Индии

Известны слова Гете, сказанные им в начале позапрошлого века: «Сейчас мы вступаем в эпоху мировой литературы». Гете имел при этом в виду процесс сближения и даже частичного синтеза западной и восточной литературных традиций, у истоков которого стоял он сам и который, неуклонно расширяясь и углубляясь, продолжается в наши дни. Но слова его в первую очередь были связаны с тем знаменательным в истории литературы фактом, что на рубеже XVIII и XIX веков европейскому читателю стали впервые доступны в переводах многие замечательные произведения восточной классики. Среди них были и древнеиндийские эпические поэмы «Махабхарата» и «Рамаяна», которые у нас в стране, по мере того как растет – особенно за последние два десятилетия – число переложений и переводов из них на русский язык, завоевывают все большую известность и признание. Чтобы литературное произведение пробудило читательский интерес, оно должно обладать двумя на первый взгляд противоположными, но на самом деле дополняющими друг друга качествами: заключать в себе что-то так или иначе знакомое и вместе с тем открывать нечто доселе неизвестное. Если мы не находим в нем ничего нового, необычного, если оно только «повторяет пройденное», то неизбежно покажется нам тривиальным и потому скучным. Если же, с другой стороны, оно никак не соотносится с нашим предшествующим литературным, да и просто человеческим опытом, то психологически и эстетически остается нам чуждым, какими бы объективными достоинствами оно ни обладало. Ввиду этого не случайно, что именно сейчас «Махабхарата» и «Рамаяна» полноправно входят в круг нашего чтения, став для нас словно бы знакомыми незнакомцами. Обе поэмы были созданы около двух тысячелетий тому назад, на санскрите – языке давно уже мертвом, в лоне культуры, отошедшей в далекое прошлое, и, казалось бы, разрыв между нами и тем читателем, кому они предназначались, слишком велик. Таковым он и был долгое время, проявляя себя то в снисходительной трактовке Индии как страны примитивной и полуварварской, то в не менее распространенном, но столь же отстраненном восхищении ее мистической, якобы непостижимой для нас мудростью. Однако в наши дни ситуация резко меняется, Индия перестает быть загадочной страной «чудес и тайн». Мы гораздо лучше узнали Индию современную, а через нее и Индию древнюю. Мы оказались свидетелями крупнейших исторических и археологических открытий в Азии, обогатили свой кругозор памятниками индийской философской и литературной классики, и все это заметно сократило дистанцию между нами и древней цивилизацией Индии, сделало ее для нас понятней и доступней.

В большей или меньшей степени те же изменения происходят в нашем восприятии других стран Востока. Можно сказать, что если в эпоху Возрождения европейцы почувствовали себя наследниками и восприимчивыми греко-римской античности, то теперь интегральной частью нашей культуры становится духовное наследие уже не только западного, но и восточного континента. Тем самым мировая литература из понятия в известной мере умозрительного и условного превращается в явление естественное и реальное, и среди наиболее выдающихся памятников мировой литературы по праву занимают место «Махабхарата» и «Рамаяна».

Мы только что называли «Махабхарату» и «Рамаяну» знакомыми незнакомцами, поскольку даже при первом чтении они предстают перед нами на фоне наших постоянно расширяющихся знаний о древнеиндийской истории и культуре. Но для такого названия есть еще одно основание. Обе поэмы относятся к жанру героического эпоса, хорошо знакомому нам по литературам многих народов (прежде всего по его классическим греческим образцам – «Илиаде» и «Одиссее» Гомера), и разделяют с другими эпосами коренные особенности этого жанра.

Подобно большинству произведений героического эпоса, «Махабхарата» и «Рамаяна» опираются на исторические предания и сохраняют в своем содержании память о действительно

происшедших событиях. Понятие «историчности» в первую очередь приложимо к «Махабхарате», которая часто именуется себя *«итихасой»* (буквально: «так было на самом деле») или *«пураной»* («повествование о древности») и рассказывает о междоусобной войне в племени бхаратов, которая, по мнению историков, происходила на рубеже II–I тыс. до н. э. Менее ясна историческая основа «Рамаяны». Но и здесь специалисты полагают, что поход Рамы на остров Ланку (видимо, современный Цейлон) в поисках жены, похищенной владыкой демонов-ракшасов, в фантастически преломленном виде отражает борьбу завоевателей Индии – индоевропейских племен ариев с аборигенами индийского юга и что события, составившие исторический фон поэмы, следует отнести приблизительно к XIV–XII векам до н. э.

По аналогии с другими национальными эпосами эпоха, вызвавшая к жизни сказания «Махабхараты» и «Рамаяны», получила в научной литературе особое наименование – «героический век». Однако между героическим веком и воспевающей его эпической поэзией пролегает обычно немало времени. Так было в Греции, где события Троянской войны относятся, видимо, к XIII веку до н. э., а посвященные ей гомеровские поэмы были созданы четырьмя-пятью столетиями позже; так было с эпосом германских народов, эпическое время которого приходится на IV–VI века, а время литературной фиксации на XII–XIV века; так было и в Индии. Во всяком случае, первые упоминания об эпосе о бхаратах в индийской литературе засвидетельствованы не ранее IV века до н. э., а окончательно, в том виде, в каком она до нас дошла, «Махабхарата» сложилась к III–IV векам н. э. Приблизительно в тот же период – протяженностью в пять-шесть веков – происходит и формирование «Рамаяны». Если принять во внимание этот явно ретроспективный характер индийской эпической поэзии, то становится ясным, почему она доносит от прошлого, которое стремится запечатлеть, лишь весьма искаженное эхо и к тому же причудливо сплавляет его с историческими реминисценциями последующих веков.

Так, хотя санскритский эпос рассказывает о древнейших племенах эпохи расселения ариев в Индии: бхаратах, куру, панчалах и других, он в то же время знает греков, римлян, саков, тохарцев, китайцев, то есть такие народы, которые стали известны индийцам лишь на рубеже нашей эры. В содержании «Махабхараты» и «Рамаяны» отчетливо ощутимы черты первобытного строя и племенной демократии, описываются родовые распри и войны из-за скота, а с другой стороны, им знакомы могучие империи, стремившиеся к господству над всей Индией (например, империя Магадхи во второй половине I тыс. до н. э.), а социальный фон эпоса составляет сравнительно поздняя система четырех *варн*: *брахманов* – священнослужителей, *кшатриев* – воинов, *вайшьев* – торговцев, ремесленников и земледельцев и *шудр* – наемных работников и рабов. Столица героев «Махабхараты» Хастинапура, так же как столица Рамы Айодхья, изображены в поэмах густонаселенными, хорошо благоустроенными городами, которые украшены многочисленными дворцами и величественными зданиями, укреплены глубокими рвами и крепостными стенами. Между тем, как показали недавние раскопки на месте древней Хастинапуры, в начале I тыс. до н. э. она представляла собою простое скопление хижин всего лишь с несколькими кирпичными домами. Дидактические разделы санскритского эпоса в целом отражают юридические и социальные нормы индийского средневековья, но одновременно «Махабхарата» и «Рамаяна» многократно касаются обычаев, уходящих корнями в глубокую древность и опирающихся на первобытные представления о морали. Только в переведенных в этой книге отрывках читатель прочтет о брачных состязаниях при замужестве Драупади и Ситы, о *сваямваре* (выборе жениха невестой) Савитри, о левирате – браке с женами умершего брата, об уводе невесты силой, о полиандрии – женитьбе пяти пандавов на Драупади и т. п.

Наконец, в непрерывном развитии – от архаических верований до воззрений классической поры – представляет нам эпос идеологические и религиозные учения Индии. В одних разделах эпоса главную роль играют старые ведические (по названию древнейших памятников индийской словесности – *вед*) боги, из числа которых Индра, Вайю, Ашвины и Сурья ста-

новятся божественными отцами героев «Махабхараты» пандавов и их сводного брата Карны. В других разделах – ведические божества оттесняются на второй план и преобладающее значение получает индуистская верховная триада богов: Брахма, Вишну и Шива. Особенно примечательна в поэмах роль Вишну: в «Махабхарате» он выступает в своей земной ипостаси Кришны, а в «Рамаяне» – Рамы. Есть основания думать, что в ранних слоях эпоса и Кришна и Рама были еще лишены божественного ореола. Но в текстах, до нас дошедших, оба они – два главных воплощения бога-спасителя, явившегося на землю ради торжества справедливости, и Вишну уже не просто бог, а «высшее бытие», «высочайший бог», «начало и конец мира». Это изменение непосредственно связано с распространением в Индии в начале нашей эры вишнуизма и культов Вишну-Кришны и Вишну-Рамы. А вместе с новыми религиозными идеалами в эпос проникли и новые философские доктрины (например, *кармы* – предопределения жизни каждого существа его деяниями в былых рождениях, *дхармы* – высшего нравственного закона, *мокши* – освобождения от уз бытия), сыгравшие большую роль в моральном учении эпоса.

Казалось бы, сочетание различных исторических слоев в пределах одного памятника должно было привести к его внутреннему распаду; казалось бы, сказания и мифы героического века так или иначе обнаружат свою несовместимость с художественными формами куда более поздней эпохи. Однако этого не произошло с «Махабхаратой» и «Рамаяной» потому, что они, подобно большинству других эпосов, представляют собой по происхождению памятники устной поэзии. Эпос не принадлежит одному времени, но является достоянием многих сменяющих друг друга поколений. Веками складывались «Махабхарата» и «Рамаяна» в устной традиции, и непрерывность этой традиции, органичность и постепенность происходящих в ней изменений обеспечивали художественное и концептуальное единство поэм на каждом этапе их формирования, вплоть до той поры, когда они были записаны.

Об устном своем происхождении оба эпоса свидетельствуют сами. «Рамаяна» сообщает, что ее сказания передавались из уст в уста, пелись в сопровождении лютни и что первыми ее исполнителями были сыновья Рамы – Куша и Лава. «Махабхарата», в свою очередь, упоминает имена нескольких своих рассказчиков, причем один из них, Уграшравас, говорит, что искусство сказа он перенял, как это и принято в эпической традиции разных народов, у своего отца Ломакхаршаны. Будучи памятниками устной поэзии, «Махабхарата» и «Рамаяна» долгое время не знали фиксированного текста. Лишь на поздней стадии устного бытования, в первых веках нашей эры, когда поэмы достигли колоссального размера: «Махабхарата» – около 100 000 двустиший, или *шлок*, а «Рамаяна» – около 24 000 шлок, – они были записаны. Но и после этого они дошли до нас в десятках отличающихся друг от друга рукописей и редакций, поскольку, возможно, вначале были сделаны не одна, а несколько записей, да и записаны были версии разных сказителей.

Древнеиндийский эпос называет также несколько групп профессиональных певцов, которые исполняли эпические и панегирические поэмы. Среди этих групп выделяются так называемые *суты* и *кушилавы*, в обязанности которых, по-видимому, входило исполнение «Махабхараты» и «Рамаяны». Каждый из певцов эпоса выступал и как наследник сложившейся традиции, и как ее творец-импровизатор. Певец никогда не следовал за своими предшественниками дословно, он сочетал и дополнял традиционные элементы путем и способами, подсказанными ему собственными возможностями и конкретной ситуацией исполнения, но в целом он должен был быть верным традиции, а его рассказ оставаться для слушателей все тем же знакомым им рассказом. Поэтому, хотя в Индии, как и в любой другой стране, создателями эпической поэзии было множество различных сказителей, живших в разных местах и в разное время, она может казаться творением одного поэта. И не случайно, что, когда на поздней стадии формирования эпоса в Индии возобладали новые представления о литературном творчестве, «Махабхарата» и «Рамаяна» были приписаны двум определенным авторам – соответственно Вьясе и Вальмики. Вполне возможно, что тот и другой не были мифическими лич-

ностями, но не были они и авторами в современном смысле этого слова, а лишь наиболее выдающимися и потому наиболее запомнившимися фигурами в длинной череде сказителей, передававших поэмы из уст в уста, из поколения в поколение.

Устное происхождение наложило неизгладимый след на внешний облик «Махабхараты» и «Рамаяны». Для успешного и непрерывного исполнения эпоса (тем более такого размера, как древнеиндийский) сказитель должен в совершенстве владеть техникой устного творчества и, в частности, традиционным устным эпическим стилем. Язык «Махабхараты» и «Рамаяны» в этой связи чрезвычайно насыщен устойчивыми словосочетаниями, постоянными эпитетами и сравнениями, всякого рода «общими местами», которые в специальных исследованиях обычно именуются эпическими формулами. Эпический певец хранил в памяти большое число таких формул, умел конструировать новые по хорошо известным моделям и широко пользовался ими, исходя из потребностей метра и в соответствии с контекстом. Поэтому неудивительно, что большинство формул не только постоянно встречается в каждой поэме, но и совпадает в текстах «Махабхараты» и «Рамаяны».

В свою очередь, формулы санскритского эпоса группируются в своеобразные тематические блоки, вообще характерные для эпической поэзии. Такие идентично построенные и стилистически однотипные сцены, как божественные и царские советы, приемы гостей, уход героев в лес и их лесные приключения, воинские поединки и аскетические подвиги, описания вооружения героев, походов армии, пророческих снов, зловещих предзнаменований, картин природы и т. п. – повторяются с заметной регулярностью, и эпический рассказ движется от темы к теме словно бы по заранее расставленным вехам. Та или иная тема может быть разработана в нескольких вариантах, полно или кратко, но в целом сохраняет определенную последовательность сюжетных элементов и более или менее стандартный набор формул.

Так, многочисленные воинские поединки эпоса начинаются обычно с похвальбы воинов и поношения ими друг друга, затем противники поочередно применяют оружие все возрастающей мощи, герой бывает ранен или терпит временное поражение, но в конце наносит решающий удар, повергающий врага наземь или обращающий его в бегство.

Рассказывается, что «между двумя воинами началась битва, яростная, заставляющая подняться волоски на теле», что битва эта была «подобна битве бога и демона» или «Индры и Вритры», что каждый воин был «в сражении равен царю богов» или «Яме, разрушителю времени». Герой нападает на противника, «словно разъяренный слон на другого слона» или «лев на мелкую тварь»; он «мечет ливни стрел», дротики, «похожие на ядовитых змей», «рассекает надвое его лук», «сбивает с колесницы его возничего». Но «тот, хотя лук его рассечен», а «лошади и возничий убиты», «быстро сойдя с колесницы», «бросается стремительно вперед», «издавая лвиный рык», и, «схватив другой лук», «пускает острые стрелы», «с золотым оперением, отточенные на камне». Раненный этими стрелами герой, тем не менее, проявляет «удивительное мужество», он «стоит недвижим, словно скала», а затем, «охваченный жаждой убить» своего врага, швыряет в него копьё, «разящее, словно перун Индры», и, «пробив его панцирь», отправляет его «в обитель бога смерти». Когда «тот пал на землю», среди воинов «раздается громкий вопль: «ах! ах!» – и вражеское войско охвачено смятением, «словно коровы, оставшиеся без пастуха».

Несмотря на частные вариации, приблизительно по такой схеме описывается множество эпических поединков; и хотя своим единообразием подобные описания обязаны нормам устного творчества с его «принудительным» арсеналом тем и формул, это единообразие создает и известный эстетический эффект: в значительной мере лишённые индивидуальных характеристик, поединки сливаются в восприятии читателя в обобщенный образ великой эпической битвы.

Специфической чертой композиции древнеиндийского эпоса – и в первую очередь «Махабхараты» – являются также всевозможные вставные истории, иногда как-то связанные с

его содержанием (ср. «Сказание о Сатьявати и Шантану», «Бхагавадгиту»), а иногда и вовсе не имеющие к нему отношения (легенды о Кадру, о Винате, о похищении *амриты*¹¹, об Астике и великом жертвоприношении змей и т. д.). Вставные истории могут быть популярными мифами и героическими сказаниями, баснями, притчами и даже гимнами (например, гимн Ашвинам), дидактическими наставлениями и философскими диалогами. Некоторые из них немногословны, а некоторые заключают в себе много сотен стихов и выглядят как поэмы в поэме, причем сами по себе могут считаться шедеврами мировой литературы («Сказание о Нале» или «Сказание о Савитри»). Обилие вставных историй также проистекает из самой сущности эпической поэзии, создаваемой многими сказителями, каждый из которых вправе вводить в поэму отрывки из собственного исполнительского репертуара. И хотя певцы «Махабхараты» пользовались этим правом с особенной широтой (вставные эпизоды занимают в ней не менее двух третей объема текста), в принципе тот же метод характеризует композицию вавилонского «Гильгамеша», гомеровской «Илиады», англосаксонского «Беовульфа» или киргизского «Манаса».

Сходство «Махабхараты» и «Рамаяны» с иными эпосами мировой литературы не ограничивается, однако, только особенностями их генезиса, стилистики и композиции. Сходство это распространяется на некоторые определяющие черты их содержания.

Мы уже говорили о связи героического эпоса с героическим веком, его обычаями и представлениями. Отсюда свойственная эпической поэзии героизация прошлого, которая проявляется в том, что в центре эпоса оказываются идеализированная фигура легендарного богатыря и рассказ о великой битве между героями и их антагонистами.

В «Илиаде» это битва греков под Троей, в «Песни о Роланде» – сражение армии Карла с сарацинами, в «Песни о моем Сиде» – испанцев с маврами, в сербском эпосе – война сербов и турок, в «Манасе» – поход киргизов против Китая и т. д. Такого же рода великая битва (правда, с фантастической окраской, как это нередко тоже свойственно эпической поэзии) составляет кульминацию содержания «Рамаяны» и пространно описывается в ее самой большой шестой книге. А в «Махабхарате» рассказ о битве занимает шесть центральных книг эпоса (из общего числа восемнадцати), и, согласно самой поэме, толчком к ее исполнению послужил вопрос именно о битве, заданный мудрецу Вьясе царем Джанамеджайей:

Как возникла распря между мужьями, чьи дела нетленны?
И как произошла великая битва, гибельная для стольких
существ?¹

Изображение битвы в «Махабхарате» и «Рамаяне» распадается на цепь поединков, в которых герои стараются выказать все свое мужество, ловкость, презрение к опасности. Но даже в дни мира мерой величия эпического героя в первую очередь продолжает оставаться его воинская доблесть. Описания детства и юности персонажей «Махабхараты» и «Рамаяны» полны упоминаний о том, как они в совершенстве овладели искусством метания копий и дротиков, борьбы на палицах, управления боевыми колесницами. И пандавы и Рама проводят по многу лет в лесу, в изгнании, одетые в отшельническое платье, но и там они непрестанно вступают в поединки с чудовищами-ракшасами и враждебными царями, обнаруживая неслабеющий воинский дух. Достоянейший жених для дочери – кто, как Арджуна и Рама, одолеет соперников в стрельбе из лука (ср. «Одиссею»), достоянейший советник царя – кто, подобно Бхишме, Дроне или Хануману, лучше всех владеет оружием.

Источником доблести эпического героя, наиболее типической его чертой является неутолимая жажда славы. Для героев санскритского эпоса страшна не смерть, но бесславная жизнь;

¹ Здесь и далее цитаты из «Махабхараты» и «Рамаяны» приводятся в переводе автора статьи.

поэтому «смерть на поле боя... исполнена славы, и человек, умерший такой смертью, наслаждается вечным блаженством». Карна, которому его отец бог Сурья советует во избежание гибели быть благоразумным, говорит:

Для такого, как я, бесславна забота о жизни;
Смерть со славой – вот что прекрасно в этом мире!

И слова его напоминают ответ гомеровского Ахилла Фетиде: «Лягу, где суждено, но сияющей славы я прежде добуду», или вавилонского Гильгамеша – Энкиду: «Если паду я – оставлю имя».

На примере Карны мы видим, что воинская отвага, презрение к смерти характеризуют в древнеиндийском эпосе не только главных героев, но и их противников. Даже Дурьйодхана, источник бедствий пандавов и их притеснитель, умирает достойно и величественно. Даже демону Раване воздает хвалу не кто иной, как сразивший его в решающем поединке Рама; он называет Равану «светочем мужества», «не ведающим страха героем», который потерпел поражение не потому, что в чем-нибудь уступал победителю, а потому, что такова была воля судьбы.

Толерантность к противникам составляет особенность, присущую не только «Махабхарате» и «Рамаяне». Она в духе эпической героики, и лишь тогда, когда эпос окрашивается чувствами религиозного либо национального антагонизма (ср. «Песнь о Роланде», «Манас», сербохорватский эпос), уступает место враждебности к оппонентам главных героев. С этой точки зрения показательно, что в «Махабхарате» и «Рамаяне», так же как в «Илиаде», рассказ о битве завершается плачами женщин над телами погибших воинов – причем именно павших врагов: кауравов, Раваны, Гектора, – которые принадлежат к наиболее трагическим и волнующим отрывкам эпоса.

Безусловное мужество, стремление к незапятнанной славе создает неписанный кодекс чести эпического героя. И постоянная забота об охране собственной чести является главным стимулом его поведения. Часто эти стремление и забота ставят героя перед роковой альтернативой, заставляют его выбирать пусть сулящий ему бедствия, но достойный в его понимании жребий. Так, Рама добровольно уходит в изгнание, не желая нарушить слово своего умершего отца; Равана, несмотря на неблагоприятные пророчества, продолжает держать в заточении Ситу; Юдхистхира – лишь бы его не упрекнули в трусости – соглашается на заведомо несчастную для него игру в кости; Дурьйодхана, задетый в своей гордости, безрассудно мстит пандавам, пренебрегая предостережениями мудрых советников.

Среди оскорблений чести, которые не способен снести эпический герой, худшее – оскорбление его жены. И не случайно посягательство на жену героя или ее похищение часто становится основной пружиной эпического сюжета (ср. оскорбление Драупади кауравами, похищение Ситы Раваной, присвоение Агамемноном пленницы Ахилла, притязания женихов на руку Пенелопы). Даже исторически реальные войны, отражаясь в эпосе, становятся войнами из-за чести, почти всегда вызываясь личными причинами. Эпос тяготеет к изображению индивидуума, а не массы, и фигура эпического богатыря, исполненного воинского духа, не терпящего компромиссов, безраздельно господствует в героическом слое эпической поэзии.

Близость эпических сюжетов и отдельных ситуаций, сходство характеров персонажей породили в свое время теорию зависимости одного эпоса от другого и, в частности, древнеиндийского от древнегреческого. Еще во II веке н. э. греческий ритор Дион Хрисостом, познакомившись с содержанием санскритского эпоса, утверждал, что индийцы знали Гомера и «переложили его на свой язык». В XIX веке это утверждение стало достоянием науки: известный немецкий санскритолог А. Вебер и несколько его последователей нашли много общего в образах Агамемнона и Сугривы, Патрокла и Лакшманы, Одиссея и Ханумана, Гектора и Индра-

джита и предположили, что мотивы похищения Ситы и похода на Ланку скалькированы с похищения Елены и похода под Троию у Гомера. В настоящее время теория заимствования по многим историко-литературным и хронологическим соображениям в применении к древнеиндийскому эпосу справедливо признана несостоятельной, но его родство с другими эпическими памятниками остается неоспоримым. Только объясняется оно не заимствованием и тем более не случайным совпадением, а типологическими параллелями, негласными законами устного эпического творчества, которое развивалось в сходных исторических условиях и с помощью сходных фольклорных мотивов и композиционных моделей.

Сравнение «Махабхараты» и «Рамаяны» с гомеровским эпосом и некоторыми иными эпосами мировой литературы, несомненно, облегчает нам знакомство с санскритскими поэмами и способно даже дать определенный ключ к их интерпретации. Однако ограничиться такой интерпретацией никак нельзя. Древнеиндийский эпос и похож и решительно не похож на другие эпосы. Указанное нами сходство касается в основном героического слоя его содержания. Между тем, как мы уже знаем, «Махабхарата» и «Рамаяна» складывались в течение многих веков, впитывали в себя новые идеи и воззрения, и героический идеал, под влиянием этих специфических для индийской древности воззрений, если и не был полностью снят, то, во всяком случае, был радикально переосмыслен. Оказывается, что понятие «героического эпоса», которым мы до сих пор пользовались, действительно приложимо к «Махабхарате» и «Рамаяне», когда мы рассматриваем их происхождение, их формирование, но оно становится явно узким, когда речь идет об их конечном облике. Художественные концепции санскритских эпоев отмечены приметам эстетических и духовных запросов, чуждых героическому эпосу, и на основе заботливо сохраненного в устной традиции древнего сказания выросли произведения новые по духу и назначению.

Отличительной и принципиально важной чертой «Махабхараты» является то, что среди ее вставных эпизодов значительное место занимают дидактические и философские отступления, иногда охватывающие (как, например, поучение Бхишмы перед его смертью) целые ее книги. Отступления эти, казалось бы, совершенно независимы от сказания о борьбе пандавов и кауравов и многими специалистами рассматриваются как искусственные интерполяции. Однако обращает на себя внимание, что эти отступления, наряду с другими проблемами, в первую очередь трактуют проблему закона, морали, высшего долга и религиозной обязанности человека, то есть все то, что в индуистской философской традиции объединяется понятием *дхармы*. А с другой стороны, представление о дхарме является центральным и в повествовательных частях эпоса. Главный герой поэмы Юдхиштхира зовется «сыном дхармы» и «царем дхармы», поле Куру, на котором происходит битва, именуется «полем дхармы», сама битва – «битвой за дхарму», и борьба между героями эпоса ведется, как убеждаешься при его внимательном чтении, не только на материальном, военном уровне, но и на духовном, нравственном: «где дхарма, там победа», – многократно возглашает «Махабхарата». Иными словами, в «Махабхарате» – и в этом состоит ее основная особенность – героический конфликт становится конфликтом этическим, нравственным. И этическое учение эпоса проясняют не одни дидактические интерлюдии, но вместе с ними все повествование эпоса о пандавах и кауравах.

С точки зрения современного читателя, в поведении эпического героя заключено трагическое противоречие. Герой всегда активен, настойчив, деятелен, его индивидуальность не укладывается в рамки общепринятых предписаний и норм (отсюда мотив озорства, буйства или своеволия эпического героя), но, по сути дела, любые его усилия тщетны и бесплодны. Вся его жизнь и едва ли не каждый конкретный поступок заранее предопределены, его возможности ограничены неподвластными ему силами, он не может изменить того, что предназначено ему свыше.

Своеволие, гнев, неукротимая гордость Ахилла оказываются к концу «Илиады» сломленными ударами рока, и, как бы подводя моральный итог своей борьбе, он говорит о неот-

вратимости судьбы, бессмысленности сопротивления и ропота: «Сердца крушительный плач ни к чему человеку не служит». Элегический мотив всевластия судьбы – «листьям в дубравах древесных подобны сыны человеков» – постоянно звучит в «Илиаде», но, тем не менее, герои поэмы – и в этом их эпическое величие – практически пренебрегают велениями судьбы, живут так, как подсказывают им их чувство чести, мужество, решительность.

«Махабхарату», так же как «Илиаду», как большинство других эпосов, пронизывают сентенции о призрачности успеха, бренности жизни. Как в «Илиаде» битва под Троей, предопределена в «Махабхарате» битва на поле Куру и ее исход. Арджуна должен сразить Карну, Бхима – Дурьйодхану, это знают заранее и победители и побежденные, но сражаются, не считаясь с предопределением, предпочитают «смерть со славой» бесславной жизни. Однако при всем том в попытке показать назначение человека, установить границы его возможностей и стремлений «Махабхарата» идет особым путем. Опираясь на религиозно-философские доктрины, которые были распространены в Индии в пору ее создания, «Махабхарата» выдвигает собственную этическую концепцию, концепцию нравственного выбора и сверхличного долга, которая стала этической доминантой эпоса.

Согласно учению «Махабхараты», человек, действительно, не в силах изменить предназначения судьбы, отсрочить смерть или вместо уготованного поражения одержать победу. Но смерть и рождение, поражение и победа – лишь внешняя канва жизни, истинная же ее ценность в другом – в нравственном содержании. А как раз здесь человеку предоставлена свобода выбора. Он может жить лишь ради самого себя и своего успеха, во имя своих страстей и желаний или же может отречься от корыстных целей и подчинить себя служению сверхличному долгу. И в том и в другом случае его жизнь остается подвластной судьбе, но не быть игрушкой в руках судьбы, придать жизни высшее значение и цель человек способен только тогда, когда пожертвует личными интересами, растворит свое «я» в духовной гармонии мира. Поэтому, признавая волю судьбы, «Махабхарата» в то же время признает моральную ответственность своих героев, учит сочетать с послушанием судьбе собственные усилия. Наставляя Бхиму, Кришна говорит:

Нельзя, сын Панду, жить в этом мире, бездействуя.
Должно действовать, зная, что лишь сочетание судьбы и деяния
приносит успех.
Тот, кто действует с этим сознанием,
Не падает духом при неудаче и не радуется успеху.

Все герои «Махабхараты» так или иначе оказываются перед решающим испытанием. В какой-то момент они должны выбрать между личным и общим благом, между собственными интересами и незаинтересованностью в плодах своих действий, между правом сильного и законом, всеобщим долгом, вечной дхармой. Характер этого выбора предопределяет в конечном счете расстановку героев в эпосе, исход битвы на поле Куру.

Пандавы противопоставлены в «Махабхарате» кауравам не столько как обиженные обидчикам или высокие духом малодушным, сколько как поборники справедливости ее противникам. Обижен и Карна – могущественный сторонник кауравов: из-за своего мнимого низкого происхождения он был презрительно отвергнут братьями-пандавами. В благородстве и мужестве – и это также признает «Махабхарата» – Карна не уступит никому на свете, в том числе лучшему среди пандавов воину Арджуне. И все-таки сочувствие творцов эпоса не на стороне Карны. Свой нравственный выбор – союз и дружбу с Дурьйодханой – он сделал по личным мотивам и привязанностям, не желая забыть нанесенного *ему* оскорбления, пытаясь отомстить *своим* оскорбителям, из своекорыстных чувств гордости и гнева. Между тем, когда речь идет о борьбе справедливости и несправедливости, утверждает «Махабхарата», следует руковод-

ствоваться не личными симпатиями и антипатиями, а внеэгоистическим чувством морального долга, и Карна, пренебрегший им, сам становится виновником своей судьбы в высшем и нравственном ее смысле.

Точно так же никакие ссылки на волю судьбы не могут служить оправданием ни слабому царю Дхритараштре, потворствующему своим сыновьям-кауравам, ни старшему среди кауравов Дурьйодхане, на обиду отвечающему большей обидой, на зло еще большим злом. И, напротив, подлинным героем эпоса является Юдхиштхира, который, не превосходя других героев в мужестве и храбрости, превосходит их мудростью и добродетелью, который «никогда не действует, ожидая плодов своих деяний», и, когда ему предлагают нарушить нечестно навязанный пандавам договор и напасть на обидчиков-кауравов, отвечает:

Если проклятый проклинает, а наказанный учителем наказывает,
Если оскорбленный всех вокруг оскорбляет,
Если побитый бьет, а тот, кого мучат, отвечает мучениями...
То тогда в этом мире, где царит гнев, откуда быть месту жизни?

Примечательно, что тема неукротимого гнева, вызванного личной обидой, вообще характерна для эпической поэзии. Так, в «Илиаде» носителем этой темы выступает Ахилл – главный герой поэмы. И хотя его гнев «ахеенам тысячи бедствий содеял», эпический певец воспеваает его («Гнев, богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына...»), поскольку, продиктованный роком, гнев этот вызван незаслуженным оскорблением. «Махабхарата» же, напротив, утверждает:

Дурьйодхана – великое древо гнева;
Его ствол – Карна, его ветви – Шакуни,
Духшасана – его обильные плоды и цветы,
Его корни – неразумный царь Дхритараштра.
Юдхиштхира – великое древо дхармы;
Его ствол – Арджуна, его ветви – Бхима,
Сыновья Мадри – его обильные плоды и цветы,
Его корни – Кришна, Брахма и брахманы.

Воплощением гнева в санскритском эпосе, вопреки «Илиаде», оказываются, таким образом, антагонисты главных героев. Гнев их, какими бы причинами он ни был вызван, бесповоротно в эпосе осуждается, ибо он противостоит дхарме, как забота о себе и своей выгоде противостоит внеличному долгу.

Четко и полно этическая доктрина «Махабхараты» изложена в известнейшем из дидактических отступлений поэмы – «Бхагавадгите», замечательном художественном и религиозном памятнике индуизма.

Проблемы смысла человеческой жизни, связи и столкновения личных и универсальных представлений о морали разрешаются здесь в беседе Кришны с Арджуной, колесницей которого Кришна управляет в качестве возничего. Перед началом битвы на поле Куру Арджуна видит среди противников своих «дедов, отцов, наставников, дядьев, братьев, сыновей и внуков» и в ужасе перед братоубийственной резней отказывается сражаться, роняет лук. И тогда Кришна, как верховное существо, как духовный руководитель Арджуны, противопоставляет, казалось бы, благородному отказу своего питомца от битвы учение о моральном долге, вечной дхарме.

Кришна говорит, что, поскольку человеку не дано видеть мир в единстве, различать истинные цели бытия, ему остается лишь по мере своих сил выполнять заповеданный ему долг, не заботясь о видимых последствиях своих поступков. Арджуна – воин, кшатрий, его долг –

сражаться, и ему надлежит сражаться, отбросив сомнения и колебания, вызванные тем, что он видит мир фрагментарно, исходит из сиюминутных критериев, забывает, что тела преходящи и бессмысленна скорбь о смертях и рождениях.

Однако Кришна не ограничивается только таким прагматическим наставлением. Он разъясняет Арджуне, как преодолеть индивидуальное, фрагментарное восприятие мира. Освободиться от него можно, лишь добившись отрешенности, отрешенности от жизненных привязанностей, от треволнений бытия, от чувств и объектов чувств. Но подобная отрешенность достигается не бездействием («не действовать человек не может»), а бескорыстным действием, безразличием к «плодам дела», равно и дурным, и хорошим. Выделяя три пути праведного поведения: путь незаинтересованного деяния, путь знания и путь любви, почитания божества, – Кришна в «Бхагавадгите» особенно высоко ценит первый, ибо без него оказываются недоступными два других. Свое учение он интерпретирует и поясняет на самых разных уровнях: от обыденного, житейского до метафизического – и в заключение вновь ставит своего ученика перед выбором:

Я возвестил тебе знание, составляющее тайну тайн;
Обдумай его до конца и поступай как хочешь.

Герой должен знать высший смысл жизни, но он волен поступать «как хочет». По-разному осуществляют свою волю герои «Махабхараты», и столкновение их воли составляет этический конфликт эпоса, в свете которого решаются все частные его конфликты. На поле Куру сплелись сотни и тысячи судеб героев, свободно избранных ими самими, и грандиозная битва мерит эти судьбы меркой сверхличной судьбы, меркой высшей справедливости.

В индийской традиции «Махабхарата» почитается как священная книга, как «пятая веда», в отличие от древних четырех, доступная простому народу и предназначенная для него. Свое учение «Махабхарата» излагает не в виде предписаний и не только как наставление, но на примере памятных героических событий, взятых из легендарного прошлого Индии. Послушные нормам устного творчества, творцы поздних версий «Махабхараты» оставили нетронутым героическое сказание эпоса, но расставили на нем новые акценты. Используя традиционный эпический сюжет, они насытили его этической проблематикой в духе современных им религиозно-философских принципов. Моральное учение цементирует «Махабхарату», однако она не теряет ни своей художественной выразительности, ни архаического колорита. И только в этом органичном единстве дидактического слоя и собственно эпического повествования раскрываются смысл и глубина содержания первого древнеиндийского эпоса.

Значительные изменения претерпел за время своего формирования и второй древнеиндийский эпос – «Рамаяна». Однако пути трансформации «Махабхараты» и «Рамаяны» были различными. Конечно, и «Рамаяна» впитала в себя новые философские и нравственные идеи, и в «Рамаяне» имеется много рассуждений о долге, законе, праве и т. п., и «Рамаяна» рисует идеального героя – Раму, воплощение Вишну, олицетворяющего добродетель и справедливость, но в целом моральное наставление остается в ней на периферии повествования. Главное, что в «Рамаяне» по праву ценится индийской традицией, – это ее высокие литературные достоинства. У себя на родине она единодушно признана «адикавей», то есть первым собственно литературным произведением, а ее легендарный творец Вальмики – «адикави», первым поэтом. Если «Махабхарата» из эпоса героического в конечном итоге стала эпосом героико-дидактическим, то «Рамаяна» от героического развивалась к эпосу литературному, в котором и древний сюжет, и способы описания оказались последовательно подчиненными задаче эстетического воздействия.

В первой книге «Рамаяны» рассказана легенда о том, что послужило толчком к созданию поэмы. Однажды Вальмики, странствуя по лесу, увидел пару птиц *краунча* (род кулика),

«преданных друг другу». Вдруг стрела охотника пронзила самца, и самка жалобно зарыдала над телом мужа. Тогда, охваченный состраданием, Вальмики проклял охотника, и это проклятие, неожиданно для него самого, приняло метрическую форму *илоки*, после чего бог Брахма повелел Вальмики описать новым размером деяния Рамы. Средневековые индийские комментаторы «Рамаяны» видят в этом эпизоде символический ключ к содержанию «Рамаяны». И действительно, нетрудно убедиться, что насильственная разлука любящих – центральная тема поэмы, а горе от разлуки – ее доминирующая эмоция, или, в терминах санскритской поэтики, – *раса*.

Показателен с этой точки зрения эпилог «Рамаяны». Вставная поэма о Раме, в основных чертах совпадающая с содержанием «Рамаяны» Вальмики, имеется в «Махабхарате». Здесь поэма заканчивается тем, что после освобождения Ситы из плена Рама возвращается с нею в Айодхью и супруги счастливо царствуют долгие годы. Так, по-видимому, и кончалась древнейшая версия сказания. Однако в той «Рамаяне», которая до нас дошла, злоключения героев искусственно продолжены. Узнав, что его подданные подозревают Ситу в неверности, Рама отправляет Ситу в лес. Снова долгие годы проходят в разлуке. И даже тогда, когда супруги вновь встречаются, когда сам мудрец Вальмики убеждает Раму в невиновности Ситы, он продолжает колебаться, и Ситу поглощает Мать-Земля, в третий раз и уже навсегда разлучая с мужем. Это настойчивое повторение темы разлуки Рамы и Ситы нельзя признать случайным. Видимо, творцам поздних версий «Рамаяны» благополучный конец казался противоречащим художественному смыслу поэмы, и ради ее эмоционального и композиционного единства они стремились остаться верными этой теме, рискуя даже бросить тень на безупречного главного героя.

Тема разлуки и скорби от разлуки прикреплена в «Рамаяне» не только к образам главных героев. Так или иначе через разлуку с кем-либо близким (и как крайнее ее выражение – смерть) проходят почти все персонажи эпоса. В первой книге царь Дашаратха со страхом расстается с Рамой и Лакшманой, уходящими на борьбу с ракшасами. Во второй – Дашаратха, его жена Каушалья и весь народ Айодхьи печалются из-за изгнания Рамы, а затем, в свою очередь, Рама, Каушалья и брат Рамы Бхарата оплакивают смерть Дашаратхи. В четвертой книге трагедия одиночества Рамы дублирована рассказом о несчастьях царей обезьян Сугривы и Валина. И даже батальная шестая книга в значительной мере насыщена скорбными монологами героев, удрученных гибелью своих родичей, и в том числе – жен Раваны, которых смерть разлучила с их господином. Вообще всевозможные плачи по погибшим либо пропавшим без вести героям чрезвычайно характерны для «Рамаяны». Такого рода плачи сами по себе составляют один из традиционных тематических элементов эпической поэзии. Но в «Рамаяне» их количество и размеры далеко превышают обычную эпическую норму, и они задают поэме искомую эмоциональную тональность.

Другим средством, усиливающим лирическое звучание «Рамаяны», являются пространственные и красочные описания, которыми то и дело прерывается основное повествование и которые функционально сопоставимы со вставными историями «Махабхараты». К такого рода описаниям принадлежат приведенные в этой книге описания городов Айодхьи и Ланки, гарема Раваны, его колесницы Пушпаки, пожара, учиненного на Ланке Хануманом, и т. п. Но особо важную среди них роль играют многочисленные и тщательно детализованные описания природы. Ландшафт Индии, ее горы, леса и озера, времена года и часы суток представлены в «Рамаяне» в десятках живописных картин и зарисовок, почти каждая из которых может рассматриваться как небольшая и независимая от эпического рассказа лирическая поэма (см. описания горы Читракуты, озера Пампы, ашоковой рощи, в которой томится Сита, весны, осени, сезона дождей и т. п.). Вместе с тем любое из этих описаний окрашено мыслями, ощущениями, желаниями героев эпоса (не случайно они, как правило, вложены в их уста), и потому они всегда оказываются созвучными все с тем же горестным чувством разлуки, которое в различных своих оттенках составляет эмоциональный фокус поэмы.

Стремление к эмоциональной выразительности, лиризму поставило творцов «Рамаяны» перед необходимостью прибегнуть к новым изобразительным ресурсам. Стиль «Рамаяны», в отличие от «Махабхараты», в отличие от обычного эпического стиля, изобилует всевозможными тропами, риторическими фигурами, сложными синтаксическими оборотами. В «Рамаяне» значительно чаще, чем в «Махабхарате», встречаются параллельные конструкции, анафоры, эпифоры, ассонансы, аллитерации, рифма и иные приемы звукописи. Буквально каждая страница поэмы пестрит сравнениями, в том числе развернутыми в самостоятельные миниатюры или соединенными друг с другом в длинный иллюстративный ряд. О богатстве и разнообразии изобразительных средств «Рамаяны» читатель получит достаточно полное впечатление по помещенным в книгу переводам, но на одной особенности стиля поэмы хотелось бы остановиться подробнее. Ранее мы говорили, что язык санскритского эпоса насыщен традиционными формулами и, в частности, сравнениями типа: «с лицом, подобным полной луне», «разящий, словно перун Индры», «похожий на ядовитую змею», «быстрый, как ветер», «словно огонь без дыма» и т. д. Такого рода формульные сравнения специфичны для «Рамаяны» не менее, чем для «Махабхараты», свидетельствуя об ее устном происхождении. Но в то же время нельзя не заметить, что формулы в «Рамаяне» нередко подвергаются словно бы нарочитому изменению: расширяются, обрастают уточняющими деталями, превращаются в сложные тропы, рассчитанные на эмоциональный эффект.

Так, например, и в «Махабхарате», и в «Рамаяне» часто встречается формула «погруженный в океан скорби». Но вот в жалобе ракшаси Шурпанакхи на оскорбление, нанесенное ей Рамой, эта формула дополняется неожиданной метафорой:

Отчего ты не защищаешь меня, погруженную в необозримый океан скорби,
Населенный крокодилами отчаяния, увенчанный волнами ужаса?

А в одном из плачей Дашаратхи эта же формула разрастается до четырех двусишней, становится развернутым синтетическим сравнением во вкусе средневековой санскритской поэзии:

Тоска по Раме – бездонная пучина, разлука с Ситой – водная зыбь,
Вздохи – колыханье волн, всхлипывания – мутная пена,
Простиранья рук – всплески рыб, плач – морской гул,
Спутанные волосы – водоросли, Кайкеи – подводный огонь,
Потоки моих слез – источники, слова горбуньи – акулы,
Добродетели, принудившие Раму уйти в изгнание, – прекрасные берега –
Этот океан скорби, в который меня погрузила разлука с Рамой,
Увы! – живому мне уж не пересечь, о Каушалья!

Приведенный пример – а в подобных ему в «Рамаяне» нет недостатка – показывает, что творцами «Рамаяны» эпическая формула часто уже ощущалась как стертый образ, который следует оживить новым, нешаблонным стилистическим приемом. Такое использование формул, а также некоторые другие особенности стиля и композиции «Рамаяны», которых мы касались, свидетельствуют, что на позднем этапе в ее формировании все большую роль приобретало авторское, индивидуальное начало. Коренные свойства эпического языка и стиля, узловые моменты древнего сюжета остались неизменными, но далеко не все в поэме может быть объяснено безмянной эпической традицией. По всей видимости, сказание «Рамаяны» – по-иному и даже в большей степени, чем «Махабхараты» – подверглось целенаправленной обработке,

причем обработке средствами уже не устной, а письменной поэзии. И поэтому именно «Рамаяна» открыла собою новую эпоху литературного творчества в Индии, эпоху, украшенную именами таких поэтов, как Ашвагхоша, Калидаса, Бхартрихари, Бхавабхути.

История создания древнеиндийского эпоса, определившая во многом специфику его внешнего облика и содержания, как мы видим, была длительной, сложной и необычной. Но не менее необычна его судьба уже после того, как он был создан. До сих пор не исчерпано то глубокое и многостороннее влияние, которое «Махабхарата» и «Рамаяна» оказали на литературу и культуру Индии и соседних с нею стран Азии.

Необозримо число произведений древних и средневековых индийских поэтов, прозаиков и драматургов, в которых либо целиком перелагаются «Махабхарата» или «Рамаяна», либо какой-нибудь заимствованный из них эпизод, миф, легенда. Еще более существенно, что вообще едва ли в санскритской литературе найдется такой автор, творчество которого было бы свободно от воздействия идей, образов и стилистики обеих эпопей. Поэтому не будет преувеличением утверждать, что в Индии, как ни в какой другой стране, эпическое наследие послужило непосредственной основой всего развития классической литературы.

Ситуация мало изменилась и тогда, когда санскрит в качестве ведущего литературного языка Индии уступил место живым языкам и диалектам. На каждом из этих языков существует по нескольку переводов и переделок «Махабхараты» и «Рамаяны», сыгравших, как правило, решающую роль в становлении новоиндийских литератур. И теперь еще повсеместно в Индии обе поэмы исполняются народными сказителями, а для современных поэтов сохраняют силу совершенного образца и примера. Вместе с тем не в меньшей степени, чем на литературу, древний эпос влияет в Индии на все сферы культуры и идеологии. Почитаясь священными книгами, «Махабхарата» и «Рамаяна» во многом способствовали оформлению национальной культурной традиции, выработке кардинальных религиозных, философских, нравственных идеалов и принципов. И любое идеологическое и общественное движение в рамках индуизма всегда стремится отыскать в них свои истоки и опереться на их авторитет.

Однако влияние «Махабхараты» и «Рамаяны» не ограничено одной Индией. Тем, чем «Илиада» и «Одиссея» Гомера были для Европы, «Махабхарата» и «Рамаяна» стали для всей Центральной и Юго-Восточной Азии. Камбоджийская надпись от 600 года рассказывает о чтении «Рамаяны» в местном храме. Приблизительно в то же время появились переложения древнеиндийского эпоса в Индонезии, Малайе, Непале и Лаосе. Не позднее VII века «Рамаяна» проникла в Китай, Тибет и затем Монголию, а «Махабхарата» в XVI веке была переведена на персидский и арабский языки.

Повсюду в Азии, так же как в Индии, знакомство с санскритским эпосом стимулировало, наряду с литературой, развитие культуры и искусств, прежде всего – живописи, скульптуры, театра. Содержание поэм, воспроизведенное на фресках многих индийских храмов, отражено и в гигантских скульптурных композициях Ангкор-Вата (Камбоджа), и на яванских барельефах в Прамбанане. Представления на сюжеты «Махабхараты» и «Рамаяны» составляют репертуар южноиндийской танцевальной драмы «катхакали», классического камбоджийского балета, тайландской пантомимы масок, индонезийского театра теней «ваянг».

Во вступлении к «Махабхарате» говорится:

Одни поэты уже рассказали это сказание, другие теперь
рассказывают,
А третьи еще будут рассказывать его на земле.

С этими словами перекликается и двустишие из «Рамаяны»:

До тех пор, пока на земле текут реки и высятся горы,

Будет жить среди людей повесть о деяниях Рамы.

Хотя подобного рода гордые утверждения обычны в памятниках древних литератур, по отношению к санскритскому эпосу они, как мы убедились, поистине оказались пророческими. И эти пророчества обретают особый смысл в наши дни, когда «Махабхарата» и «Рамаяна» преодолевают новые временные и географические границы.

П. Гринцер

Махабхарата

Перевод *С. Липкина*

Подстрочные переводы *О. Волковой и Б. Захарьина*

**[Сказание о сыне реки, о рыбачке
Сатьявати и царе ШантАну]
Ади парва
(книга первая)
главы 91–100**

[Обещание Ганги]

В реченьях правдивый, в сраженьях всеправый,
Маха́бхиша был властелином державы.

В честь Индры заклал он коней быстролетных^[2],
Почтил его множеством жертв доброхотных.

От Индры за это изведал он милость:
На небе, в бессмертии, жизнь его длилась.

Однажды пред Брахмой, спокойны и строги,
Предстали, придя с поклонением, боги.

Пришли и подвижники с царственным ликом,
Маха́бхиша был на собранье великом,

И Ганга, река наилучшая, к деду,
Блестая, пришла на поклон и беседу.

Подул неожиданно ветер с востока
И платье красавицы поднял высоко.

В смущенье потупились боги стыдливо,
И только Маха́бхиша страстолюбиво

Смотрел, как под ветром вздымается платье.
Тогда он услышал от Брахмы проклятье:

«Средь смертных рожденный, ты к ним возвратишься,
И, смертный, ты снова для смерти родишься!»

Махабхиша вспомнил, бессмертных покинув,
Всех добрых и мудрых царей-властелинов.

Решил он: «Пратіпа отцом ему будет, –
Он царствует славно и праведно судит».

А Ганга, увидев Махабхишу, разом
К нему устремила и сердце и разум.

Пошла, приближаясь к закатному часу.
Пред Гангою восемь божеств, восемь в́асу,

Предстали тогда на пустынной дороге.
В грязи и пыли еле двигались ноги.

Спросила: «Я вижу вас в жалком обличье.
Где прежние ваши краса и величье?»

«О Ганга, – ответили васу^[3] в унынье, –
Ужасным проклятьем мы прокляты ныне.

За малый проступок, терзаясь душевно,
Мы благостным В́асиштхой прокляты гневно.

Приблизились мы по ошибке, случайно,
К святому, молитвы шептавшему тайно.

Нас проклял подвижник в неистовой злобе:
«Вы будете в смертной зачаты утробе!»

Со знающим веды мы спорить не можем,
Но просьбой тебя, о Река, потревожим:

Стань матерью нам, чтобы вышли мы снова

Из чрева небесного, не из земного!»

На них посмотрела, светла и прекрасна,
И ясно промолвила Ганга: «Согласна!

Вы явитесь в мир из божественной плоти.
Кого ж из людей вы отцом назовете?»

Ответили васу: «Из рода людского
Отца для себя мы избрали благого.

То отпрыск Пратипы, чье имя Шантану,
Правдивый, не склонный к греху и обману».

Ответила: «Вас от беды я избавлю,
И вам и ему наслажденье доставлю».

Для васу надежда открылась в страданиях.
Сказали: «Текущая в трех мирозданиях^[4]!

Тогда лишь вернемся к небесному роду,
Когда сыновей своих бросишь ты в воду».

Ответила Ганга: «Я вам не перечу,
Но, чтобы со мною запомнил он встречу,

Когда перед ним как супруга предстану, –
Последнего сына отдам я Шантану».

Воскликнули васу: «Да будет нам счастье!
Мы все по восьмой отдадим ему части

Мужской нашей силы, и крепкого сына
Родишь ты на свет от того властелина.

Добро утвердит он, прославится громко,
Но сын твой умрет, не оставив потомка».

И васу покой обрели и здоровье,
Как только с Рекой заключили условие.

[Рождение Шантану]

Пратипа, влекомый к всеобщему благу,
Реки возлюбил дивноликую влагу.

У Ганги-реки, благочестия полон,
В молениях долгие годы провел он.

Однажды к нему, светозарно блистая,
Пришла соблазнительная, молодая,

Подобна любви вечно юной богине,
Прелестная Ганга в чудесной долине.

Лицо ее счастьем и миром дышало.
К царю на колено, что было, как шала^[5],

Могучим и крепким, – на правое, смело,
С улыбкою мудрой красавица села.

Сказал ей Пратипа: «Чего тебе надо?
Чему твое сердце, прекрасная, радо?»

«Тебя пожелала я. Ведает разум,
Что женщину стыдно унижить отказом».

Пратипа ответствовал: «Преданный благу,
Я даже с женою своею не лягу,

Тем более с женщиной касты безвестной, –
Таков мой обет нерушимый и честный».

«Владыка, тебя я не ниже по касте,
К тебе прихожу я для сладостной страсти,

Желанна моя красота молодая,
Отраду познаешь ты, мной обладая».

Пратипа отвечал ей непреклонно:
«Погубит меня нарушение закона.

Не сделаю так, как тебе захотелось:
На правом колене моем ты уселась,

Где дочери, снохи садятся, о дева,
А место для милой возлюбленной – слева.

Супругой мне стать не имеешь ты права,
Поскольку ты села, беспечная, справа,

Но если ты сблизиться хочешь со мною,
То стань мне снохою, а сыну – женою».

Богиня промолвила слово ответа:
«О праведник, ты не нарушишь обета.

Я с сыном твоим сочетаться готова,
Найти себе мужа из рода святого.

Тебе, о великий подвижник, в угоду
Да стану я преданной Бхаратов роду.

Чтоб вас прославлять, мне столетия мало,
Вы – блага и чести исток и начало.

Условимся: как бы себя ни вела я, –
Твой сын, о поступках моих размышляя,

Вовек да не спросит, откуда я родом, –

И счастье с моим обретет он приходом.

Своим сыновьям, добродетельным, честным,
Он будет обязан блаженством небесным».

Сказала – исчезла из глаз властелина.
Он стал дожидаться рождения сына.

Он, бык среди воинов, подвиги чести
Свершал с добронравной супругою вместе,

Во имя добра и покоя трудился,
И сын у четы седовласой родился, –

Тот самый Махабхиша в облике новом,
Как было всеильным заведено словом.

Пратипа, беззлобный душой, мальчугану
Дал скромное имя – Смиренный, Шантану:

Пускай завоюет он мир милосердьем,
Законы добра исполняя с усердьем.

Он рос в почитанье заветов и правил.
Пратипа вступившего в возраст наставил:

«Красива, прелестна, одета богато,
Пришла ко мне женщина, сын мой, когда-то.

Быть может, к тебе она явится вскоре
С желаньем добра и с любовью во взоре.

Не должен ты спрашивать: «Кто ты и чья ты?»
Ты с ней сочетайся, любовью объятый.

Не спрашивай ты о поступках подруги,
Ты будешь иметь сыновей от супруги.

Ты с ней насладись, чтоб она, молодая,
Тобой насладилась, тебе угождая».

Пратипа, последний сказав из приказов
И сына Шантану на царство помазав,

Бесхитростный, чуждый корысти и злобе,
Ушел – и в лесной поселился чащобе^[6].

[Сыновья Ганги и Шантану]

Шантану, сей лучник, искавший добычу,
Охотился часто за всякою дичью,

Всегда избирал потаенные тропы,
Где бегали буйволы и антилопы.

У Ганги-реки, на пути одиноком,
Встречался отважный стрелок ненароком

С певцами небесными^[7], с полубогами;
Звенела земля у него под ногами.

Однажды красавицу встретил Шантану,
И он удивился прелестному стану.

Иль то божество красоты приближалось,
На лотосе чистом пред ним возвышалось?^[8]

Свежа, белозуба, мила и беспечна,
В тончайших одеждах, во всем безупречна,

Она воссияла светло и невинно,
Как лотоса редкостного сердцевина!

Смотрел властелин, трепеща, восхищаясь.
Глазами он пил ее, не насыщаясь.

Она приближалась, желанна до боли, –
И пил он, и жаждал все боле и боле!

Он тоже, в блистании царственной власти,
Зажег в ней пылание радостной страсти:

Смотрела на воина с жарким томленьем,
Смотрела, не в силах насытиться зреньем!

Спросил повелитель, исполненный жара:
«Певица небесная ты иль апсáра?»

Змея или дáнави – жизни врагиня?
Дитя человеческое иль богиня?

Небесной сияешь красой иль земною, –
Но, кто бы ты ни была, будь мне женою!»

Услышав звучащее ласково слово,
Условие с васу исполнить готова

И, голосом звонким царя услаждая,
Сказала, разумная и молодая:

«Твоею женою покорною стану,
Но, что бы ни делала я, о Шантану,

Хорошей тебе покажусь иль дурною, –
Клянись, что не будешь ты спорить со мною.

А если меня оскорбишь и осудишь, –
Уйду я и ты мне супругом не будешь».

«Согласен!» – сказал он, ее одаряя

Отрадой, не знавшей ни меры, ни края.

Ее получив, как желанную долю,
Могучий, с женой наслаждался он вволю,

Решил он: «Пойдет она прямо иль косо –
Смолчу, никогда не задам ей вопроса».

И царь был доволен ее красотой,
Ее добродетелью и чистотою,

Ее обхождением, спокойным и ровным,
Ее угождением на ложе любовном.

То Ганга была, та богиня-царица,
Что в трех мирозданиях блаженно струится!

Приняв человеческий облик отныне,
Она красоту сохранила богини.

С тех пор стал супругом Реки богоравный
Шантану, царей повелитель державный.

Она услаждала властителя пляской,
Истомною негой, искусною лаской,

И ласкою ласка ее награждалась, –
Его услаждая, сама наслаждалась.

Шантану, любовью своей поглощенный,
Усладами лучшей из жен обольщенный,

Не видел, как месяцы мчатся и годы,
А мчались они, словно быстрые воды.

Шло время. Сменялись и лето и осень.
Жена сыновей родила ему восемь.

Так было: едва лишь ребенок родится,
Тотчас его в Гангу бросает царица.

Шантану страдал от сокрытого горя,
Однако молчал он, с женою не споря.

Когда родила она сына восьмого,
Чудесного, сердцу отца дорогого,

Он крикнул, восьмой не желая утраты:
«Не смей убивать его! Кто ты и чья ты?»

Возмездье за это злодейство свершится,
Страшись, о презренная, сыноубийца!»

Сказала супругу: «Ты сердце не мучай,
Желающий сына отец наилучший!»

Погибнуть не дам я последнему сыну,
Но только тебя навсегда я покину.

Я – мудрым Джахнү возрожденная влага^[9],
Я – Ганга, несметных подвижников благо.

Жила я с тобой, ибо так захотели
Бессмертные ради божественной цели.

Я встретила восемь божеств, восемь васу,
Подвластных проклятия гневному гласу:

Их Васиштха проклял, чтоб гордые боги
В людей превратились, бессильны, убоги.

А стать их отцом, о властитель и воин,
Лишь ты на земле оказался достоин,

И я, чтоб вернуть им бессмертья начало,
Для них человеческой матерью стала.

Ты восемь божеств произвел, ясноликий,
Тем самым ты стал и на небе владыкой.

С тобою узнала я радость зачатья,
И васу избавила я от проклятья.

Дала я поверженным верное слово:
Когда в человеческом облике снова

Родятся, – их в Ганге-реке утоплю я,
Бессмертие каждому снова дарюя.

Теперь я тебя покидаю навеки.
Меня дожидаются боги и реки.

Смотри, богоравного сына храни ты.
То будет мудрец и храбрец знаменитый.

В обетах он будет подобен булату, –
Дарованный Гангою сын Гангад́атту!»

[Проступок восьми васу]

Спросил у возлюбленной царь над царями:
«Бессмертные васу владеют мирами.

За что же проклятью их Васиштха предал,
За что же им смертными стать заповедал?

И кто он такой, этот Васиштха гневный,
Богов обрекающий доле плачевной?

За что Гангад́атту наказан сурово

И сделался отпрыском рода людского?

Какие об этом расскажешь рассказы?»

Ответила Ганга: «О царь быкоглазый,

Великий деяньем! Рожден от Варуны,
Властителя вод, этот Васиштха юный,

Подвижник, от мира решил удалиться.
Обитель святая была у провидца

На склоне владычицы гор, светлой Меру,
Где жил он, храня в целомудрии веру,

Где множество было различных животных,
И трав неисчетных, и птиц быстролетных,

Где в летнюю пору и в зимнюю пору
Цветы украшали цветением гору.

В лесу для подвижника были даренья:
Вода в ручейке, и плоды, и коренья.

Однажды в лесу, пред жилищем святого,
Красива, сильна, появилась корова:

Богиня, дочь Дáкши, в нее воплотилась^[10],
Даруя просящему благо и милость.

Ее молоко, на зеленой поляне,
Подвижник для жертвенных брал возлияний.

Важна и степенна, средь леса густого,
С теленком бесстрашно бродила корова.

Однажды пришли в этот лес благовонный
Могучие васу, а с ними – их жены.

Они с наслаждением бродили повсюду,
Сверканью цветов удивляясь, как чуду.

Вдруг старшего васу жена молодая
Увидела, по лесу с мужем гуляя,

Корову на мягкой, зеленой поляне:
Ее молоко – исполненье желаний!

И так восхитила богиню корова,
Что мужу, владыке небесного крова,

Сказала с восторгом: «О Дьяус, взгляни-ка!»
Увидел корову небесный владыка:

Крупна и красива, с глазами живыми,
Полно молока многомощное вымя...

Ответствовал Дьяус: «О тонкая в стане!
Корова, чья цель – исполненье желаний,

Не ведает равных себе во вселенной,
А ею владеет отшельник смиренный,

Рожденный Варуной подвижник суровый.
Когда молоко этой чудной коровы

Вкусит человек, – вечно юным пребудет,
И кровь его время не скоро остудит,

И так проживет, не печалясь, на свете
Он десять блаженнейших тысячелетий!»

И Дьяус, душою и разумом бодрый,
Услышал желанье жены дивнобедрой:

«Средь мира людского подругу нашла я.
Царевна Джинавати, прелесть являя,

Чарует и юностью и красотой.
Отец ее славится жизнью святою.

Ты добрых сердец награждаешь заслуги,
Прошу, потрудись и для милой подруги,

Могуществом, властью своей знаменитый,
Корову с теленочком к ней приведи ты.

Подруга, отведав напитка благого,
Единственной станет из рода людского,

Не знающей старости или недуга.
Когда же счастливою станет подруга,

Мне тоже, всеправедный, будет отрада, –
Отныне отрады иной мне не надо!»

Глаза дивнобедрой, как лотос, манили,
И Дьяус, покорный их ласковой силе,

Пошел, повинувшись возлюбленной слову,
И с братьями вместе увел он корову.

Он мужа святого украл достоянье,
Не зная, к чему приведет злодеянье.

Как видно, отшельника подвиг суровый
Не смог отвратить похищенья коровы.

С кошелкою, полной кореньев и ягод,
Вернулся подвижник, не ведавший тягот.

Увидел в смятенъе, увидел в печали:
Корова с теленком исчезли, пропали!

Он долго, исполненный праведной мощи,
Обыскивал заросли, чащи и рощи,

Пока не постигнул провидящим взором,
Что васу виновны, что Дьяус был вором!

Он проклял их в гневе, возмездье взлелеяв:
«За то, что все васу, все восемь злодеев,

Коровы лишили меня многодойной,
С красивым хвостом, удивленья достойной, –

Людьми они станут, бессмертье утратив,
Те восемь божеств, восемь проклятых братьев!»

Богам присудил он, в безумии гнева,
От матери смертной явиться из чрева.

Узнав о проклятье провидца лесного,
Направились васу к отшельнику снова,

Надеясь, что ярость прощеньем сменилась,
Но не была братьям дарована милость.

Сказал им подвижник, познавший законы,
В раздумье о благе душой погруженный:

«Послушались старшего младшие братья.
Избавлю я вас, семерых, от проклятья,

Но Дьяус, зачинщик деяния злого,
Останется жить среди мира людского.

В обличье людском он прославится громко,

Однако уйдет, не оставив потомка.

Родит его смертная заново в муках,
Он сведущим будет в различных науках,

Достигнет он в мире людском уваженья,
Но с женщиной он не захочет сближенья».

Остался отшельник в молитвенном месте,
А васу, все восемь, пришли ко мне вместе:

«Стань матерью нам, чтобы вышли мы снова
Из чрева небесного, не из земного.

Когда сыновей своих бросишь ты в воду,
Тогда возвратимся к небесному роду!»

Богов от проклятья избавить желая,
К тебе как жена, о Шантану, пришла я.

Один только Дьяус – твой сын Гангадатту,
Который в обетах подобен булату,

Останется жить в человеческом мире,
И слава его будет шире и шире».

Сказала богиня – исчезла нежданно,
Ушла, увела своего мальчугана.

Шантану, утратив дитя и царицу,
Терзаемый скорбью, вернулся в столицу...

[Шантану находит своего восьмого сына]

Был честен Шантану в речах и деяньях,
Он был почитаем во всех мирозданиях,

Его прославляли и люди и боги,
Отшельник в лесу и властитель в чертоге.

Настойчивый, сдержанный, щедрый и скромный,
Являл он величье и разум огромный.

С желанием блага, с душою открытой,
Для Бхаратов был он надежной защитой.

Он жил, постоянно к добру тяготая,
Казалась белейшей из раковин шея,

Широкими были могучие плечи,
Как слон в пору течки, был яростным в сече.

Ничтожным считал он того, кто корыстен,
Добро почитал он превыше всех истин.

Ему среди воинов не было равных, –
Царю и вождю властелинов державных.

Из всех знатоков, мудрецов и ученых,
Он сведущим самым считался в законах.

К нему прибегали, желая охраны,
Цари, возглавлявшие многие страны.

При нем, восприняв благочестья условия,
Познали отраду четыре сословья^[11]:

Судьбы наивысшей был жрец удостоен,
Жрецу подчинялся с охотою воин,

Тому и другому служили умельцы,
И люди торговые, и земледельцы,

А им угождали покорные шудры, –
Таков был закон стародавний и мудрый.

В столице, в чарующем Хастинапуре,
Блистал государь, словно солнце в лазури.

Владел он, молением молясь неустанным,
Землей, опоясанною океаном.

Не ведая зла, небожителям равен,
Как месяц, был светел, правдив, добронравен.

Как Яма, бог смерти, с виновными гневен,
Он был, как земля, терпелив и душевен.

При нем не должны были в страхе таиться
От смерти напрасной ни вепрь и ни птица.

При нем не знавали убийств и насилий:
Животных лишь в жертву богам приносили.

Он правил, исполненный праведной власти,
Людьми, что отвергли желанья и страсти.

Он стал для несчастных и слабых оплотом,
Отцовскую жалость питая к сиротам,

Увидел он в щедрости – жизни основу,
И правду он сделал опорой слову.

Он, женскую ласку познав, веселился,
Но минули годы – он в лес удалился...

Таким же правдивым, познавшим законы,
Был сын его, юноша, Гангой рожденный.

Он Гангея имя носил в это время,

Бог васу, – людское украсил он племя,

Воитель, из лука стрелок наилучший,
Отвагой, душою и сутью могучий.

Однажды вдоль Ганги-реки за оленем
Охотясь в лесу, увидел с изумленьем

Шантану, что стала река маловодной.
Задумался праведник, царь благородный:

«Что сделалось ныне с великой рекою?»
И вот, озабоченный думой такою,

Заметил он: юноша, сильный, пригожий,
На Индру, Борителя Градов, похожий,

Великоблестящий, высокий и смелый,
Вонзает в речное течение стрелы.

Из стрел среди русла возникла запруда, –
Под силу ли смертным подобное чудо?

Не сразу Шантану, средь шума речного,
Узнал в этом юноше сына родного.

А тот на отца посмотрел, сильнозорок,
И создал волшебный, таинственный морок,

И скрылся, отца подчиняя дурману...
Очнувшись, тотчас заподозрил Шантану,

Что сына скрывает речная долина,
И Ганге сказал: «Приведи ко мне сына».

И женщиной Ганга предстала земною,
Явилась нарядно одетой женою,

Держащею сына за правую руку.
Шантану, так долго влачивший разлуку,

Не сразу признал ее в ярком уборе,
А Ганга промолвила с лаской во взоре:

«Узнал ли ты нашего сына восьмого?
Веди его в дом и люби его снова!

Великий стрелок и воитель победы,
Он с помощью Васиштхи выучил веды,

Он сведущ в вождении войск, мощнорукий,
В священной науке и в царской науке.

На радость тебе родила я такого, –
Возьми же отважного сына восьмого!»

И с юношей, блеском затмившим денницу,
Отправился гордый Шантану в столицу.

[Шантану женится на рыбачке Сатьявати]

В столице, похожей на Индры обитель –
На город, где жил Городов Сокрушитель,

Был счастлив Шантану, блюститель закона,
И сына нарек он наследником трона.

Царевич был вежлив, умен, образован,
Отвагой его был народ очарован.

Четыре прошло многорадостных года.
Царевич был счастьем отца и народа.

Однажды у влаги, под сенью древесной,
Шантану почувствовал запах чудесный.

Окинул он реку внимательным взглядом, –
Увидел красавицу с лодкою рядом.

Спросил: «Благовонная, с прелестью кроткой,
О, кто ты и чья ты, представшая с лодкой?»

Сказала: «Я дочь рыбака. И удачу
Я в праведном вижу труде: я рыбачу.

Отец мой над всеми царит рыбаками, –
Едим, что добудем своими руками».

К прелестнодушистой, к божественноликой
Внезапно охваченный страстью великой, –

Пришел он к царю рыбаков, восхищенный:
«Отдай мне, – сказал ему, – дочь свою в жены».

Глава рыбаков властелину державы
Сказал: «Есть обычай, священный и правый, –

Невестой становится дочь при рожденье.
Но выслушай волю мою и сужденье.

Коль дочь мою в жены ты просишь с любовью,
О царь, моему подчинишься ты условию.

Условье приняв, удостоишь ты чести
Отца и подаришь блаженство невесте».

«Поведай условье, – воскликнул Шантану, –
И знай, что раздумывать долго не стану,

Отвечу я «да» или «нет» непреложно:

Нельзя – так не дам я, и дам, если можно!»

А тот: «Сын, рожденный рыбачкой-женою,
Да царствует после тебя над странюю».

Шантану отверг рыбака притязанья,
Ушел, унося в своем сердце терзанья,

Сжигаемый страстью, вернулся, угрюмый...
Однажды к царю, погруженному в думы,

Приблизился Гангея с речью такую:
«Отец, почему ты подавлен тоскою?

Послушны тебе все владыки и страны, –
Какие же в сердце скрываешь ты раны?»

Шантану отвечивал мудрому сыну:
«Узнай моей скорби сокрытой причину.

Ты – отпрыск единственный Бхаратов славных,
Но смерть не щадит и вожатых, державных.

Ты ста сыновей мне милей, но не скрою:
Умрешь ты, – наш род прекратится с тобою.

Нужна для продления рода царица,
Однако мне трудно вторично жениться.

Бездетен, – согласно уставам старинным, –
Отец, что владеет единственным сыном.

Огню возлиянье, труды богомолий –
Не стóят потомства шестнадцатой доли.

А ты, столь воинственный, смелый, горячий, –
В сражении смерть обретешь, не иначе!

Наш род от стрелы прекратится случайной, –
Теперь ты узнал о тоске моей тайной».

Поняв миродержца смятенье и горе,
Сын Ганги ушел и с тревогой во взоре

Советнику царскому задал вопросы, –
Поведал царевичу седоволосый:

«Шантану понравилась дочь рыболова,
Но слишком условие брака сурово».

Тогда к рыбаку, с благородною свитой,
Приехал царевич как сват именитый.

Рыбак, по обычаю, вышел навстречу,
Приветствовал свата почтительной речью:

«Хоть сын для отца – наилучший ходатай,
Невесту отцу с разумением сватай.

Почетно и лестно, скрывать я не стану,
Сродниться с блистательным родом Шантану.

Жених-миродержец – награда невесте,
И кто от подобной откажется чести?

Не станет наследником царским, однако,
Дитя, что родится от этого брака, –

Не сможет соперничать, властный, с тобою,
О, бык среди Бхаратов с гордой судьбою!

Ты даже и бога и демона вскоре
Осилишь, как слабых соперников, в споре!

Об этом подумай. Скажу тебе кратко:
Иного не вижу в тебе недостатка».

Радея о пользе отца ежечасно,
Ответствовал Гангея твердо и властно:

«Я слово даю безо лжи и коварства,
Что станет твой внук повелителем царства!»

Рыбак, добывая для внука державу,
Сказал: «Ты защитник Шантану по праву,

Я верю, что будешь ты верной защитой
И нашей Сатьявати, муж знаменитый.

Не жду от такого, как ты, вероломства,
Но я твоего опасаюсь потомства».

Услышав сомненье того рыболова,
Ответил царевич: «Узнай мое слово.

Клянусь я в присутствии царственной свиты, –
О царь рыбаков, эту клятву прими ты:

От царских отрекся я почестей громких.
Отвергнув престол, говорю о потомках:

Безбрачья обет возглашаю отныне.
Бездетный, – возжажду иной благостыни:

Познав целомудрия свет вожденный,
Войду я в миры, что вовеки нетленны!»

Глава рыбаков задрожал от восторга.
«Бери!» – он сказал без дальнейшего торга.

Тогда полубоги, богини и боги,
А также святые в небесном чертоге,

Цветы проливая в пространстве надзвездном,
Назвали царевича Бхишмою – Грозным.

Сказал он Сатьявати: «На колесницу
Взойди же, о мать, мы поедем в столицу».

Вот Бхишма, обет возгласивший суровый,
Приехал к Шантану с царицею новой.

Вославили Бхишму цари и владыки.
«Он – Грозный!» – хвалебные слышались клики.

Шантану сказал с ликованием: «Смело
Исполнил ты труднотворимое дело.

Дарю награду великому сыну:
Ты сам своей смерти назначишь годину!»

[Бхишма похищает девушек]

Шантану, покончив со свадебным пиром,
Жену свою принял с любовью и миром,

И вот принесла ему сына царица, –
Никто из людей не мечтал с ним сравниться,

Везде славословье Читрангаде пелось, –
За силу его, за великую смелость.

Затем родила она сына второго,
По имени Вичитравирья, – такого

Из лука стрелка, что склонились впервые
Пред ним, несравненным, мужи боевые.

Еще он и юношей не величался,
Когда многомудрый Шантану скончался,

И Бхишма, хоть был он и первенцем-сыном,
Читрангаду провозгласил властелином.

Гордился Читрангада мощью военной,
Он равных не видел себе во вселенной.

Богов и царей он преследовал жестко...
Однажды гандхарвов глава, его тезка,

С ним битву затеял, что длилась три года,
И не было битве конца и исхода.

Однако, среди копий дождя проливного,
Был витязь небесный сильнее земного,

И пал от меча в этой схватке кровавой
Читрангада, тигр, обладавший державой.

Исполнили люди обряд погребальный,
А Бхишма, блистательный, властный, печальный,

Поставил царем над державною ширью
Незрелого мальчика Вичитравирью.

Он в царской науке ребенка наставил,
Чтоб честно страной своих праотцев правил.

Был Бхишма защитником младшего брата,
И мальчик во всем ему следовал свято,

И Бхишма, с разумной Сатьявати вместе,
Царя наставлял ради славы и чести.

Приблизился к юности отрок созрелый.
Женить его Бхишма решил крепкотелый.

«Есть царь, – он услышал, – Каши. Пред царями
Он вправе гордиться тремя дочерьми.

Теперь сваямв́ару в том царстве справляют:
Три девушки сами мужей выбирают».

Об этом в известность поставив царицу,
Взошел многодобрый на колесницу

В доспехах военных, в блестящем уборе, –
И в город Варáнаси прибыл он вскоре.

Съезжались туда женихи-государи:
Мужья избирались на той сваямваре^[12].

Царей называл поименно глашатай,
А Бхишма, отвагой и силой богатый,

Ворвался в толпу на своей колеснице,
Похитил трех девушек в шумной столице

И голосом грома сказал властелинам:
«Напомнить хочу о законе старинном!

Одни дочерей предлагают с приданным
Достойным мужам, женихам долгожданным;

Другие же дочь свою выдать готовы,
Когда приведет им жених две коровы;

У третьих – жених по душе своей милой;
Невест добывают четвертые силой;

А пятые, воины, полные жара,
Считают, что лучше всего – сваямвара.

Средь прочих невест наивысшее место
Похищенная занимает невеста!

Насильно я трех похищаю царевен.
Хотите сраженья? Я грозен и гневен!»

Всем бросил он вызов и поднял десницу.
Трех дев усадил на свою колесницу.

Тогда, кулаками грозя, потрясая,
В неистовой ярости губы кусая,

Весь мир оглашая воинственным кличем,
Цари приказали своим колесничим,

Чтоб в дышло коней запрягли наилучших!
Помчались, подобные молниям в тучах,

Цари на своих боевых колесницах
За Бхишмой, похитившим дев смуглолицых.

И грянула битва на древних дорогах, –
В той битве один воевал против многих.

Взлетали – за тысячей тысяча – стрелы,
Но Бхишма стоял невредимый и целый.

Тогда, будто на гору – ливень из тучи,
На Бхишму обрушился ливень летучий

Бесчисленных стрел, но и ливень смертельный
Рассек он, отвагой богат беспредельной.

Воителя нечеловеческой силе

Хваления даже враги возносили!

И в каждого по три стрелы он направил,
Царей-властелинов пронзил, обезглавил.

Врагов разгромив в небывалом сраженье,
Всесильный в своем боевом снаряженье,

Стремительный Бхишма, от вражеской мести,
Погнал колесницу с царевнами вместе.

Но шалвов^[13] правитель, возмездия ради,
Ударил его неожиданно сзади, –

Как слон, ударяющий бивнями сзади
Другого, что самку угнал в его стаде!

«Эй ты, женолюб! Острой сабли попробуй!» –
Возглавивший шалвов воскликнул со злобой,

И Бхишма, сражавшийся неукротимо,
От слов этих вспыхнул, как пламя без дыма.

Свою колесницу, снаружи спокоен,
К врагу повернул многодобрый воин.

Цари увидали, что два полководца,
Что Шалва и Бхишма решили бороться.

Враги, как быки, постепенно сближаясь,
Ревели, как бы из-за самки сражаясь.

Вот Шалва, властитель и лучник умелый,
На Бхишму обрушил разящие стрелы.

Казалось, что Бхишмы повержена сила, –
И гордая радость царей охватила.

Владыки, что прибыли на сваямвару,
И Шалве хвалу вознесли и удару!

Внимая царям и враждебному стану,
Разгневался отпрыск Реки и Шантану.

«Направь колесницу, – велел он вознице, –
К царю, у которого стрелы в деснице.

Властителя шалвов, отвагой владея,
Убью, как Гаруда – свирепого змея».

Сын Ганги, сей праведник, ярость умножил
И Шалвы четверку коней уничтожил, –

Убил превосходных коней и возницу
И в бегство его обратил колесницу.

Но Шалву, красавицам внемля, простил он,
Властителя царства живым отпустил он.

И Шалва, что сильным считался по праву,
В унынье в свою воротился державу,

Разъехались также цари-государи,
Что ждали избранья на той сваямваре,

А Бхишма, сын Ганги, с добычей прекрасной
Отправился в Хастинапур многовластный.

[Женитьба и смерть Вичитравирьи]

Леса одолел он, хребты и ущелья,
Приехал с царевнами, полон веселья.

Как снох-дочерей, этот праведник строгий,
Как юных сестер, опекал их в дороге.

Он младшему брату, отвагой добытых,
Царевен привез, красотой знаменитых.

В неравных сраженьях подобный булату,
Он подвиг свершил, чтобы младшему брату

Достались прелестные, чистые жены, –
Закон соблюдал изучивший законы,

И стал он, заботясь о каждой невесте,
Ту свадьбу готовить с Сатьявати вместе.

Из трех наистаршая, Амба сказала:
«Знай: Шалву в мужья избрала я сначала,

Он тоже избрал меня, шалвов правитель, –
Сей выбор одобрил Каши, мой родитель.

К властителю шалвов душа моя склонна, –
Даруй же мне милость, блюститель закона!»

Той девушке, слово сказавшей в печали,
И брахманы и царедворцы внимали.

И после раздумий и долгой беседы
С мужами закона, познавшими веды,

Сын Ганги ей волю решил предоставить,
К владыке над шалвами Амбу отправить.

Но Амбике, Амбалике – нет возврата:
Да станут супругами младшего брата!

И Вичитравирья, стремившийся к счастью,

На жен посмотрел с вожденьем и страстью:

Хорошего роста, и стройны, и смуглы,
С ногтями, что выпуклы, красны, округлы,

С глазами, подернутыми поволокой,
С широкими бедрами, с грудью высокой,

С кудрями, что, иссиня-черные, вились, –
Таковыми они перед мужем явились!

Пришелся им Вичитравирья по нраву,
Они почитали его по уставу,

А он, что соперничал мощью с богами,
Своей красотой – с зарей над лугами,

Желанный, как сладостное сновиденье, –
Всех женщин манил, погружая в смятенье!

Он прожил семь весен, заботы не зная, –
Внезапно сухотка вошла в него злая,

Бессильными были врачи и лекарства, –
Как солнце, погас властелин государства.

Сочувствуя матери многострадальной,
Над Вичитравирьей обряд погребальный

Свершили жрецы и вожатые рати,
И Бхишма рыдал о возлюбленном брате.

Тоскуя о сыне умершем, о младшем,
Пред Бхишмой предстала Сатьявати с плачем,

Увидев, что пламень великий потушен,
Закон продолжения рода нарушен!

Сказала: «Ты тот, кто Шантану возвысит,
Ты тот, от которого ныне зависят

Продление царского рода, и слава,
И жертв приношенье, и вера, и право.

Как правды для жизни незыблемо лоно,
Незыблем ты в праведном лоне закона.

Законы постигнув и веды изведав,
Познав откровенья священных заветов,

Ты стал для семьи и для рода защитой,
Опорю в явной беде и в сокрытой.

Поэтому ныне стою пред тобою,
Всеправедный воин, с великой мольбою.

Мой сын и твой брат, государь без порока,
Бездетным на небо ушел раньше срока.

Две юных вдовы, две красавицы, страждут, –
Они сыновей, дивнобедрые, жаждут.

От них, чтобы род храбрецов был продолжен,
Родить сыновей ты, блистательный, должен.

Прими этих жен, и престол, и державу,
Потомками Бхараты правь по уставу».

Но праведный воин с обличем суровым
Царице ответил возвышенным словом:

«О мать, назвала ты, над нами нависший,
Продления рода закон наивысший.

Но связан я давним и твердым обетом, –
О мать, ты обязана помнить об этом.

О мать, за тебя, как свели мы знакомство,
Свой выкуп я внес: мой отказ от потомства.

Тебе говорю, о Сатьявати, снова:
Ни царства богов не хочу, ни земного,

Отвергну и более славную долю,
Но правду отвергнуть себе не позволю.

Земля может запах утратить, а море –
Всю влажность, а солнце – сиянье во взоре,

А ветер – утратить касаний способность,
А свет – выявлять каждый признак, подробность,

Без звука способно остаться пространство,
Огонь – потерять теплоты постоянство,

Смерть – силу утратит, а Индра – удачу,
Но я свою правду вовек не утрачу!»

Сказала Сатьявати слово ответа:
«Ты – праведный муж, ты – блюститель обета,

Захочешь, всеильный в делах созиданья, –
И новые три сотворишь мирозданья.

Я знаю, ты прав, но в тяжелое время
Прими во внимание праотцев бремя.

От клятвы своей отступишь ты без гнева,
Чтоб дальше росло родословное древо.

Исполни, великий, для блага народа,
Закон наивысший продления рода!»

Царице, о сыне тоскующей громко,
Ушедшей от правды во имя потомка,

Сын Ганги сказал: «Осуждённы достоин
Высокую правду отринувший воин.

Но знаю закон, исцеляющий рану.
Есть средство, чтоб род сохранился Шантану.

К нему ты прибегни для славы и чести,
И действуй с жрецами домашними вместе».

[Совет Бхишмы]

«Однажды, – так Бхишма повел свое слово, –
Убил Джамадагни, жреца и святого,

Вождь хайхаев^[14], Арджуна тысячерукий.
Был сын у святого, познавшего муки,

По имени Рама. И вот, гневнолицый,
Он тысячу рук отрубил у убийцы,

От воинской касты, без помощи ратной,
Очистил он землю семь раз троекратно.

Жрецы, чтобы воины в мире остались,
Со вдовами ратных людей сочетались.

Есть древний закон, почитаемый свято:
Дитя может быть от другого зачато,

Но отпрыском мужа законного будет,
Коль к этому рода продленье побудит, –

И жрец со вдовой раторборца сходился,
Чтоб воинский род на земле возродился...

Вот случай другой: благодатью богатый,
Подвижник Утáтхья был мужем Мамáты.

Был брат у святого меньшей, Брихаспáти:
Он силу обрел от ученых занятий.

Наставник богов, он, без жалости к брату,
Упорно преследовать начал Мамату.

Сказала она: «Постыдись, Брихаспати!
От мужа, мне данного, жду я дитяти.

Растет твой племянник, зачатый в законе,
И веды в моем изучает он лоне.

От старшего брата мне радостно бремя, –
Иди и другой подари свое семя!»

Так правильно сказано было Маматой,
Но жрец не сдержал себя, страстью объятый,

Познал он Мамату в запретное время,
И крикнул ему, испустившему семя,

Зародыш, уже находившийся в лоне:
«Эй, младший, ступай-ка, ты здесь посторонний,

Я – первый, нет места второму во чреве!»
И проклял тогда Брихаспати во гневе

Дитя, что еще пребывало в утробе:
«За слово, которое крикнул ты в злобе,

При этом – в чувствительный миг наслажденья,
Да будешь во мрак ты повергнут с рожденья».

И вправду, родился Утатхьи потомок
Незрячим и назван был: «Житель Потемок».

Жрецу Брихаспати могуществом равный,
Сынов произвел сей слепец добронравный.

Сыны, ослепленные жадностью скряги,
Решили: «К чему нам заботы о благе

Слепца многодряхлого, еле живого?»
На доску отца посадили слепого

И доску по Ганге пустили жестоко,
И плот оказался во власти потока.

Поплыл по течению слепец белоглавый,
И минул он многие страны-державы.

Купался Бали, царь земли, утром рано.
Жреца на плоту он увидел нежданно.

Приблизясь, узнал повелитель слепого
Законоучителя, старца святого.

Избрав его для обретения сына,
Воскликнул: «Тебя мне послала судьбина!

От жен моих мне сыновей подари ты,
Да будут им тайны законов открыты».

Согласьем ответил подвижник безгрешный –
Сынов породить от царицы Судешны.

Слепца презирая, велела царица
Молочной сестре своей к старцу явиться.

От старца слепого и шудры бесправной
Родился Какшиван, певец достославный,

А также одиннадцать, мудрых в беседах.
Бали, увидав этих сведущих в ведах,

Воскликнул: «Мои они все, не иначе!»
«О нет, – возразил ему старец незрячий, –

Мои все двенадцать, – сказал он неспешно. –
Отринув незрячего старца, Судешна

Свела старика, оказавшись немудрой,
С молочной сестрою, бесправною шудрой».

Бали, ради милости старца святого,
Царицу Судешну послал к нему снова.

Подвижник сказал, прикоснувшись к царице:
«Твой сын будет равен блистаньем деннице».

И сын у Судешны родился – ученый,
Святым изучением вед поглощенный.

От брахманов мудрых – так делалось часто –
Умножилась доблестных воинов каста...

Мне дороги Бхараты род и наследство,
Чтоб род продолжался, скажу тебе средство:

Пусть брахман со вдовами младшего брата
Детей породит, – и да ждет его плата».

[Сатьявати с помощью мысли призывает перворожденного сына]

Тогда, со стыдливой улыбкой, смущенно,
Сказала Сатьявати стражу закона, –

Был полон волнения голос дрожащий:
«Ты правильно учишь, великоблестящий,

Но, царскому роду продленья желая,
О грозный, признание сделать должна я.

Ты – правда, ты – благо, ты – жизни защита.
Да будет тебе мое сердце открыто.

Однажды, в невинную девичью пору,
Я в лодке плыла по речному простору.

К Ямуне-реке, в святожителиской славе,
Приблизился Парашарá к переправе.

Ко мне обратился он, робкой и юной:
«На землю меня переправь за Ямуной», –

И стал многознающий, в лодке рыбачьей,
Меня уговаривать речью горячей,

Исполненной нежности, пламени, страсти...
Проклятья страшась и родительской власти,

Величью даров подчиняя свой разум,
Ему я не смела ответить отказом.

Могучий, всю землю окутал он тьмою
И взял – над беспомощной – верх надо мною.

Мой рыбный развеял он запах отвратный,
Другой даровал мне – душистый, приятный.

Сказал он: «Родишь мне на острове сына,
Но девственна будешь, чиста и невинна».

И я разрешилась, в девичестве строгом,
На маленьком острове мальчиком-йогом.

Обрел он, известный делами благими,
Двайпаяны – Островитянина – имя.

Затем обособил он веды четыре,
Под именем Вьясы прославился в мире.

За темную кожу зовут его Кришна, –
Повсюду его песнопение слышно.

Подвижник, живущий правдиво и свято,
Сынов сотворит он со вдовами брата.

Сказал он: «Какой бы ни шел я тропюю,
Едва меня вспомнишь – явлюсь пред тобою».

Источником стал он познания и света,
И, если согласен ты будешь на это,

Придет он, к продлению рода готовый,
Сойдутся с ним брата умершего вдовы, –

Потомки его да пребудут на свете
Как Вичитравирьи законные дети».

Услышав о муже великой науки,
Сказал, поднимая молитвенно руки,

Сын Ганги: «Стремятся одни к сладострастью,

Другие – к земному богатству и счастью,

Цель третьих – любви и добра достижение,
А в нем – наивысшему благу служенье.

Лишь самые мудрые в том преуспели:
Понять и разъять три различные цели.

Твое же стремление – рода продленье,
И это есть к высшему благу стремленье.

Ты выход найти наилучший сумела,
Я слово твое одобряю всецело».

От Бхишмы услышав: «Сомненья излишни!» –
Решила Сатьявати думать о Кришне.

Он мудрые веды читал вдохновенно,
Но, матери мысли постигнув мгновенно,

Предстал перед ней после долгой разлуки,
И мать, поднимая почтительно руки,

Его обняла, разразилась рыданьем.
Всезнающий, движимый к ней состраданьем,

Сказал, окропив ее влагой святою:
«Я все, что прикажешь, свершу и устрою».

Хваленя домашних жрецов благосклонно
Воспринял певец и блюститель закона.

Сатьявати первенцу-сыну сказала:
«С тобой я судьбу государства связала.

Отцу сыновья подчиняться согласны,
Однако и матери дети подвластны!

Ты – первый, а Вичитравирья – мой третий,
Вы оба, от разных отцов, мои дети.

По матери, в лодке рыбачьей зачатый, –
Ты Вичитравирье приходишься братом.

О Вичитравирье скорбеть не устану,
И Бхишма и он – оба дети Шантану,

Но Бхишма, обет исполняя тяжелый,
Не хочет потомства, не ищет престола.

Ты, память храня о покойнике-брате,
В продлении рода ища благодати,

Содействуя Бхишме и мне повинуюсь,
Волненьем существ беззащитных волнуюсь, –

Обязан исполнить мое повеленье,
О сын, безупречный в святом устремленьи!

Невестки твои хороши, как богини,
Но обе остались бездетными ныне.

Потомство от них породи, о беззлбный,
Достойное дело исполнить способный!»

А Кришна: «Тебе все законы известны,
Земной ты постигла закон и небесный,

О мать, и поскольку закон есть основа
Тобой изреченного веского слова, –

Твоим повинуюсь желаниям правым:
Я тоже знаком с этим древним уставом!

Подобных богам сыновей сотворю я,
Умершему брату детей подарю я.

Пусть обе вдовы, для продления рода,
Обет исполняют в течение года,

Иначе пускай они ложа не стелют:
Нечистые ложа со мной не разделят!»

А мать: «Мы должны, о мой сын, торопиться, –
Зародыш скорей да получит царица.

В стране без вождя – нет дождя и цветенья,
Страна без царя – есть земля запустенья.

Даруй же скорее стране господина,
А Бхишма да будет воспитывать сына!»

А Кришна: «Коль надобно быстро трудиться,
Уродство мое да потерпит вдовица,

И запах мой острый, и облик, и тело, –
Чтоб семя могучее в лоне созрело».

Добавив: «Готов я к желаемой встрече», –
Внезапно он скрылся, внезапно пришедший.

[Дети Кришны от двух цариц и рабыни]

Вот Амбике, участь изведавшей вдовью,
Сатьявати слово сказала с любовью:

«Ты ныне услышать, красавица, вправе
О древнем законе, о старом уставе.

Ты видишь ли нашу печаль и невзгону?

Грозит прекращение Бхаратов роду!

Но Бхишма, постигнув, о чем я тоскую,
Мне подал, всезнающий, думу благую,

И если ее ты исполнить захочешь,
То Бхаратов род возродишь и упрочишь.

Должна ты родить, дивнобедрая, сына,
Должна подарить нам царя-властелина».

Согласье с трудом получив от невестки,
Сиявшей в своем целомудренном блеске,

Сатьявати всем приготовила яства,
Чтоб ели жрецы, и святые, и паства.

Избрав для зачатья и день и мгновенье,
Невестке велев совершить омовенье

И лечь на постели, разостланной пышно,
Сатьявати слово сказала чуть слышно:

«Твой деверь придет к тебе ради сближенья.
Встречай его ласково, без небреженья».

Прелестная, слово услышав свекрови,
О Бхишме подумала с трепетом крови.

Светильники вспыхнули ярче и строже.
Всеправедный Кришна взошел к ней на ложе.

Но рыжие волосы, взгляд его властный,
И пламя его бороды медно-красной,

И лик его черный увидев средь ночи,
Царица закрыла в смятении очи.

Он сблизился с нею, познал ее тело,
Но в страхе она на него не смотрела.

Он вышел. И мать спросила тревожно:
«Скажи, мне на внука надеяться можно?»

Воскликнул подвижник, при помощи знаний
Раздвинувший чувств и мышления грани:

«Являя величье, и ум, и здоровье,
Он будет могуч, словно стадо слоновье,

Он сто сыновей породит, многомощный,
Однако вдовицы поступок оплошный

К тому приведет, что слепым он родится».
Промолвила первенцу-сыну царица:

«Не надо стране государя слепого,
Ты нам подари властелина другого».

Обличием темен и разумом светел,
Согласием праведный Кришна ответил.

Родился от Амбики мальчик незрячий.
Сатьявати, царству желая удачи,

Вступила в беседу с невесткой второю, –
И Кришна пришел к ней ночью порою.

Взглянула невестка – и сделалась бледной,
Его устрасась бороды красно-медной.

Увидев, что Амбалика побледнела,
Как только она на него посмотрела,

Сказал ей не ведавший помыслов праздных:
«Поскольку, страшась моих черт безобразных,

Ты сделалась бледной, – царевич наследный,
Твой сын, – будет прозван Панду, то есть – Бледный».

И вышел подвижник, чья праведна сила.
Сатьявати первенца-сына спросила,

И Кришна ответил, что царь всепобедный
Родится в их доме – по прозвищу Бледный.

Вот Амбалика, в надлежащую пору,
Венцу и стране даровала опору:

Блистал красотою и мощью владыки
Панду, повелитель царей, Бледноликий.

И пять он обрел сыновей, величавый,
И стали те пятеро зваться: пандавы.

А дети того Дхритараштры слепого,
В честь предка Шантану, в честь Кúру святого,

Название с тех пор обрели: кауравы,
И стали царями обширной державы...

Сатьявати, чтобы упрочилось дело,
Тогда своей старшей невестке велела

К могучему Кришне приблизиться снова,
И Амбика ей не сказала ни слова,

Но пахнувший рыбой, уродливый ликом
Страшил ее, глупую, страхом великим.

Украшив служанку свою, как богиню,
Невестка отправила к Кришне рабыню.

Рабыня вошла, перед Кришной склонилась,
Чтоб ласку свою даровал ей как милость.

Он сблизился с нею, с бесправной по касте,
И в этом рабыня увидела счастье.

Он встал и сказал ей: «Была ты рабыней,
Но матерью славною станешь отныне.

Блистающий разумом и правосудный,
Твой сын удивит этот мир многолюдный!»

И сын у рабыни родился счастливой –
То Видура, сведущий и справедливый,

Стал братом Панду, Дхритараштры слепого:
То Дхарма, то бог правосудия снова,

Приняв человеческий облик, родился:
Он Видурой стал, он в него воплотился!

А Кришна, закон продолжения рода
Исполнив и срока дождавшись ухода, –

Ушел по тропе, озаряемой светом, –
Кончается наше сказанье на этом.

[Скитания пандавов]

Столицей слепого царя Дхритараштры стал богатый город Хастинапур. У царя от его жены Гандхари родилось сто сыновей и одна дочь. Панду, младший брат Дхритараштры, умер молодым, оставив пятерых сыновей: Юдхиштхиру, Бхимасэну (Бхиму), Арджуну и близнецов Накулу и Сахадэву. Трое старших родились от Кунти, близнецы – от Мадри, которая после смерти мужа последовала за ним на погребальный костер, а сыновей своих поручила заботам Кунти.

Пандавы, считавшиеся сыновьями Панду, в действительности были рождены его женами от различных богов. Росли они вместе со своими двоюродными братьями-кауравами при дворе Дхритараштры. Прославленный брахман Дрбна, лучший знаток оружия, наставлял царевичей в военном искусстве и в науках. Успехи пандавов, среди которых выделялся необыкновенной силой и воинским умением Арджуна, вызвали ненависть к ним со стороны кауравов, а больше всех их ненавидел старший сын Дхритараштры – Дурьйодхана. Между кауравами и пандавами возникла вражда.

Народ полюбил пандавов. Горожане рассуждали так: «Дхритараштра мудр, но слепой царь не может вести войска в сражение. Надо посадить на царство старшего из пандавов Юдхиштхиру. Он еще молод, но умен, справедлив и милостив к беднякам».

Когда эти толки дошли до Дурьйодханы, он уговорил своего отца изгнать под благовидным предлогом пандавов из столицы. Слепой царь из любви к сыновьям согласился совершить неправо дело. Пандавы были отправлены для участия в празднестве в город Варанавату, где их, вместе с их матерью Кунти, поместили в смоляном доме. Дурьйодхана приказал доверенному слуге поджечь ночью смоляной дом, а горожанам сообщить, что пандавы и их мать погибли от случайного пожара.

Мудрый Видура, дядя пандавов, предупредил, с помощью иносказания, пятерых племянников о грозящей им беде. Пандавы вместе с матерью бежали из смоляного дома через тайный подземный ход. На рассвете, когда они были уже далеко от города, смоляной дом сгорел. Жители Варанаваты решили, что пандавы и Кунти погибли в огне, и известили об этом Дурьйодхану.

Кауравы возликовали, не подозревая, что пандавы живы, что они скитаются в дремучих лесах, совершая различные подвиги. До пятерых братьев дошла весть о том, что могучий царь панчалов Друпáда объявил: «Тому, кто победит на состязании в стрельбе из лука, я отдам в жены свою дочь, смуглую красавицу Драупáди».

Пандавы, переодетые отшельниками-брахманами, прибыли на состязание. Никто из царей и знаменитых воинов, а среди них был и Дурьйодхана, не сумел натянуть тетиву исполлинского лука и поразить стрелюю цель через малое кольцо. Это сделал Арджуна, и Драупáди возложила на него венок в знак того, что станет его женой. Но на ней, соблюдая давний обычай, женились все пятеро братьев-пандавов.

Так стало известно, что пандавы живы. Бхйшма, Дрона и Видура предложили Дхритараштре отдать пандавам половину царства. Пандавы в пустынной части страны воздвигли новую столицу – Индрапáстху. Юдхиштхира стал царствовать вместе со своими братьями. Знаменитый зодчий построил для них дворец, равного которому не было в мире. Государство пандавов благоденствовало.

Дурьйодхана завидовал пандавам. По совету своего дяди Шакуни он зазвал пятерых братьев к себе в Хастинапур и предложил им сыграть в кости. Юдхиштхира любил эту игру, хотя играл плохо. Шакуни же был ловким игроком. Ведя нечестную игру, он выиграл у Юдхиштхиры все его имущество, его земли, казну, дворец, столицу со всеми жителями и домами. В конце концов Юдхиштхира проиграл ему и своих братьев, и себя самого, и даже красавицу Драупáди. Духшáсана, младший брат Дурьйодханы, схватил Драупáди за волосы, приволок ее в собрание, крича: «Рабыня!»

Дхритараштра устыдился поступка своего сына и вернул Драупáди и ее мужьям свободу. Но Дурьйодхана уговорил отца снова пригласить пандавов для игры в кости с таким условием: кто проиграет, пусть скитается в лесной глуши двенадцать лет, а тринадцатый год пусть живет неузнанным. Если же его узнают, то пусть изгнание продлится еще на двадцать лет.

Пандавы проиграли и отправились в изгнание. Дурьйодхана зло посмеялся над ними, и Бхимасена поклялся, что убьет его в бою и напьется его крови.

Начались скитания пандавов. Бродя по дремучим лесам, они часто останавливались в хижинах святых отшельников, слушали древние сказания. Одно из этих сказаний – о верной Савитри.

**[Сказание о Савитри – о жене преданной и любящей]
Араньяка Парва
(Книга третья, «Лесная»)
Главы 277–283**

[Царевна Савитри отправляется на поиски жениха]

У мадров^[15] был некогда царь справедливый,
И щедрый, и сведущий, и терпеливый.

Защитой он был горожанам, крестьянам,
Трудился для блага трудом неустанным.

Все чувства свои обуздал Ашвапати.
Судьба не дала властелину дитяти.

Желая потомства, мечтая об этом,
Себя подчинил он суровым обетам,

Всем сердцем он подвигам тяжким предался,
Лишь вечером раз в трое суток питался.

Порой, целомудренный, падал без сил он,
Но множество жертв Савитри приносил он.

Прошло восемнадцать всеблагодных весен,
И подвиг отшельника стал плодоносен.

Довольна была Савитри поклоненьем:
Богиня с живым и великим волненьем,

Восстав из святого огня, появилась,
И слово сказала дарящая милость:

«Я вижу, о царь, ты в желаниях сдержан,
Я верю, – всем сердцем ко мне ты привержен.

Любую награду проси за служенье, –
Лишь к правде страшись проявить небреженье».

Сказал Ашвапати: «Вот правда святая.
Служил я тебе, о потомстве мечтая,

И если сумел угодить я богине,
Прошу, – сыновей подари мне отныне:

Все наши законы, – мудрец поучает, –
Закон продолжения рода венчает!»

В ответ – Савитри: «Нет прекрасней желаний.
Предвидела я твою просьбу заране.

Я к Брахме пришла, и сказал Самосуший:
«Пусть дочери ждет он, – блестящей, цветущей».

Услышал ты, царь, Прародителя слово.
Сверх этого дара не будет иного».

«Да будет, как сказано!» – царь ей ответил,
Как прежде, бесхитроsten, кроток и светел.

Богиня исчезла, а царь, как и прежде,
Был предан законам, добру и надежде.

Прошло над царем достодолжное время,
И в лоне царицы оставил он семя,

И семя росло в целомудренном лоне,
Как месяц растет на ночном небосклоне.

Прелестная дочь родилась у царицы,
И лотосов-глаз трепетали ресницы.

Родители, радуясь той благостыне,
Назвали ее Савитри – в честь богини.

Шло время. Богине равна по обличью,
Вступила красавица в пору девичью.

Широкая в бедрах и тонкая в стане,
Казалась она исполненьем мечтаний.

Однако никто, красотой уstraшенный,
Не брал ее, лотосоглазую, в жены.

Однажды, закончив свой пост многодневный,
К богам родовым, в первый пáрван^[16], царевна

Молиться пришла с головою омытой, –
И жертвенник вспыхнул, цветами увитый.

Предстала затем пред отцом на закате,
С цветами склонилась к ногам Ашвапати,

И руки сложила, и встала с ним рядом, –
Широкая в бедрах, с почтительным взглядом.

И царь, сострадая, сказал тонкостанной
Царевне своей, женихам нежеланной:

«О дочь моя, время приспело для брака, –
Никто тебя замуж не просит, однако.

Сама поищи себе мужа: коль будет
Он равен тебе, нас никто не осудит.

Но знай, что отца осуждают законы,
Коль мужу не отдал он дочь свою в жены,

И муж осуждаем, жену разлюбивший,
И сын, овдовевшую мать позабывший.

Поэтому мужа найти поспеши ты,
Не то от богов мне не будет защиты».

Немного смутясь, но не зная тревоги,
Она поклонилась родителю в ноги,

С душою разумной, для блага открытой,
Отправилась в путь с надлежащею свитой,

Отправилась на золотой колеснице,
А царь и вельможи остались в столице.

Отправилась в чащи лесные, густые,
Туда, где отшельники жили седые,

Во многих священных местах побывала,
Наставникам-старцам дары раздавала.

[Савитри выходит замуж за Сатьявана]

Царь мадров сидел среди своих приближенных,
С ним – Нарада, сведущий в древних законах.

Царевна из дальних приехала странствий,
Предстала пред ними в блестящем убранстве,

Склонилась к ногам и отца и святого.
Властитель услышал от Нарады слово:

«Откуда вернулась царевна в столицу?
И замуж зачем ты не отдал девицу?»

А царь: «Потому-то, стремясь к этой цели,
Свою Савитри я отправил отселе.

Сейчас от нее мы узнаем: нашла ли
Супруга, в лесные отправившись дали?

Начни свою повесть, о дочь дорогая», –
Сказал властелин, Савитри ободряя.

И та, будто бога услышала, – сразу,
Отцу подчинясь, приступила к рассказу:

«Есть шалвов страна. Добрый, кроткий, всеправый,
Дьюмáтсена был властелином державы.

Когда он ослеп, стал он жертвой коварства,
И отнял сосед у несчастного царство.

С женою и с сыном-младенцем, незрячий,
Он в лес удалился, лишившись удачи.

Подвижником стал он в лесной глухомани,
Отрекся от низменных, жалких желаний.

А сын его, в царской рожденный столице,
Но ставший товарищем зверю и птице,

Сатьяван, в скитаниях найденный мною,
Есть тот, кому стать я желаю женою».

«Беда! – вскрикнул Нарада. – Тяжкое горе
На эту царевну обрушится вскоре!

Царевич, от праведных, чистых рожденный,
Правдивой и доброй душой наделенный,

Правдивым – Сатьяваном – прозванный с детства, –
Слышал я, – коней любил с малолетства.

Гривастых лошадок лепил он из глины,
Конями свои украшал он картины,

За это прозвали царевича с лаской:
Читра́шва – «Скакун, Нарисованный Краской».

«А ныне, – спросил мудреца Ашвапати, –
Вкушает ли отпрыск слепца благодати?»

И есть ли в нем кротость, и ум, и отвага?»
Ответствовал Нарада, ищущий блага:

«Как солнце, он светел, как Индра, бесстрашен,
Как наша земля, он терпением украшен».

А царь: «Но красив ли душой и обличьем?
Насколько он щедр? И велик ли величьем?»

Ответил мудрец: «Благороден, беззлобен,
Он щедростью лишь Рангидэве подобен,

Красив он, как месяц, как братья Ашвины, –
Дневной и вечерней зари властелины.

Он стоек и сдержан, он смел и послушен,
Он скромн, и доблестен, и прямодушен».

А царь: «Коль таков он, душою высокий,
Какие же в нем притаились пороки?»

«Один лишь порок в этом царственном сыне:
Умрет через год, начиная отныне».

Услышав ответ мудреца, Ашвапати
Сказал: «Савитри, не горюй об утрате.

Другого найди себе в мире широком:
Бессильны достоинства рядом с пороком.

К чему тебе муж, что погибнет до срока?
Беги от несчастья, беги от порока!»

В ответ – Савитри: «Это ведает каждый, –
Три дела свершаются в мире однажды:

Замужество, смерть, обещание дара...
Умрет ли он юный, умрет ли он старый,

В нем много ли блага иль больше дурного, –
Его избрала, не хочу я иного!

Что сердце решило – то вылилось в слово,
А слову – решение сердца основа».

«О царь, – молвил Нарада, – силой душевной
И светлым умом обладает царевна.

Сатьявану равных не сыщем в подлунной, –
Одобрим же выбор красавицы юной!»

А царь: «Для меня все слова твои святы.
Я сделаю так, ибо ты – мой вожатый».

Мудрец пожелал им: «Развеем кручину,
Да будет вам благо, а я вас покину».

Взлетел в третье небо^[17] мудрец белоглавый,
А слугам велел повелитель державы

Всю утварь собрать, все припасы для свадьбы:
Желанному счастью преградой не стать бы!

С царевной, с жрецами домашними вместе

Царь двинулся в лес, угождая невесте,

А там, на подушке, набитой травой,
Священной, седой прислонясь головою

К могучему древу, сидел именитый
Отшельник. Глаза его были закрыты.

Предстал перед ним Ашвапати с поклоном.
Слепец-венценосец, согласно законам,

Владыку воссесть попросил на сиденье,
Затем предложил совершить омовенье,

Затем спросил: «Государства властитель,
Зачем ты пожаловал в нашу обитель?»

Сказал Ашвапати: «Сатьявану в жены
Я дочь предлагаю, о царь прирожденный,

О праведник царственный с думой благою, –
Тебе Савитри да пребудет снохою».

Дьюматсена молвил: «Лишившись престола,
В лесу мы свершаем свой подвиг тяжелый,

И надо ли девушке, с миром в разлуке,
Испытывать наши невзгоды и муки?»

Ответствовал гость: «Эта жизнь быстротечна,
И счастье мгновенно, и горе не вечно.

Скажи, заслужил ли подобные речи
Я – с дочерью, с твердым решением пришедший?

Ты равен мне, жажду союза с тобою,
Ты в родичи мне предназначен судьбою!

С тобой породниться хочу я отныне,
Да сына найду в твоём царственном сыне!»

Ответил отшельник царю всеблагому:
«Давно я стремился к союзу такому,

Но, царства лишенный, подвластный обетам,
Сперва колебался и медлил с ответом.

Теперь я согласен, о царь справедливый, –
Сегодня пусть брак совершится счастливый!»

Собрали жрецов, что в лесу обитали,
Детей своих браком цари сочетали.

Богатствами дочь одарив, Ашвапати
Вернулся, обрадован, к войску и знати.

И юное счастье супругов влюбленных
Простерлось под сенью деревьев зеленых.

Царевна, отринув наряд свой атласный,
Оделась деревьев корой темно-красной.

Была Савитри и добра и смиренна,
И, скромная, нравилась всем неизменно:

Свекрови – заботами и обхождением,
А свекру – усердным богам угождением,

А мужу – красой, и работой прилежной,
И ласкою – в уединении – нежной.

Так жили в покое, свой подвиг свершая,
И горя не ведала пустынь лесная,

Но утром иль вечером, в тайном терзанье,
Забуть не могла Савитри предсказанье.

[Сатьяван и Савитри уходят в лес]

Шло время. К Сатьявану смерть приближалась.
В душе Савитри были горе и жалость,

На дни, что летели, смотрела в печали,
Речения Нарады в сердце звучали.

«День близок, – подумала, – неотвратимый.
Умрет на четвертые сутки любимый», –

И строгий обет возгласила трехдневный:
Не ела, недвижно стояла царевна.

Услышал слепой об обете суровом,
К снохе обратился с сочувственным словом:

«Решенье такое – уму непостижно:
Три дня крайне трудно стоять неподвижно!»

В ответ – Савитри: «Так я твердо решила.
Меня не жалея, ибо есть во мне сила».

А царь: «Я обет призову ли нарушить?
Скажу я: «Нарушь», – не должна меня слушать!»

Незрячий замолк, сокрушаясь душевно.
Столпом неподвижным застыла царевна.

В безмолвном и долгом страданье стояла,
И ночь отошла, и заря засияла.

«День вспыхнул, чтоб жизнь дорогая погасла!» –

С той думой в огонь возлила она масло,

Почтила, как должно, с смиренной любовью,
Отшельников-брахманов, свекра с свекровью.

Подвижники, движимы скорбью живою,
Взмолились о ней: да не станет вдовою!

Царевна ждала рокового мгновенья,
Но стало ей легче от благословенья.

И свекор с свекровью смиренно сказали:
«Исполнила ты свой обет, – так нельзя ли

Низринуть, сноха, послушания бремя,
Смотри, приближается трапезы время».

Ответила с ласкою дочь Ашвапати:
«Поем я, когда будет день на закате».

Тогда подошел, с топором на заплечье,
Сатьяван: он в лес отправлялся, далече.

«Пойду я с тобою! – сказала, тоскуя, –
Тебя одного отпустить не могу я!»

А муж: «Не просила ты раньше об этом,
И как, изнуренная тяжким обетом,

Прекрасная, пост соблюдавшая строгий,
Пойдешь ты пешком по нелегкой дороге?»

В ответ – Савитри: «Я сильна и здорова,
Пойду я с тобой, – таково мое слово».

А муж: «Хорошо. Но, над младшими властны,
Родители тоже да будут согласны».

К свекрови и свекру она, молодая,
Пришла и промолвила, скрытно страдая:

«Мой муж собирается в лес за плодами,
А также чтоб ваше поддерживать пламя.

Священный огонь – вот ухода причина,
И, значит, не надо удерживать сына.

Без мужа мне грустно, – слова мои взвесьте, –
Позвольте мне с мужем отправиться вместе.

Весь год прожила я безвыходно дома,
Мне прелесть лесная совсем незнакома».

Дьюматсена молвил: «С тех пор как женою
Сатьявану стала, – ко мне ни с одною

Ты просьбою не обращалась, родная.
Ступай же, супруга в пути охраняя».

С таким разрешеньем, тревожась о муже,
Пылая внутри и сияя снаружи,

С супругом отправилась в лес шумноглавый,
Где яркие ягоды, свежие травы,

Где нежно касались друг друга вершины,
Пронзительно перекликались павлины.

Шла с мужем вдвоем вдоль речного потока
И лотосы глаз раскрывала широко.

«Смотри!» – говорил ей супруг то и дело,
Но только на мужа царевна смотрела.

Уже он ей мертвым казался, и горе
Таила она в жизнерадостном взоре,

И, помня слова мудреца и пророка,
Ждала, содрогаясь, уносного срока.

Так, думая думу свою втихомолку,
Плодами наполнила с мужем кошелку.

Затем началась дровосека работа.
Устал он, покрылся росинками пота,

Внезапно почувствовал боль головную
И молвил, взглянув на жену молодую:

«Любимая, мне занедужилось, что ли?
Болит голова, в сердце – острые боли,

Как будто впились в меня копыя иль стрелы
Немного посплю, отдохну, ослабелый».

Присела царевна среди свежих растений,
И голову мужа себе на колени

Она положила, часы подсчитала, –
Уже роковое мгновенье настало!

Тогда-то, в испуге, изверясь в надежде,
Увидела путника в красной одежде.

С петлею в руке и в короне блестящей
Смотрел на Сатьявана страх наводящий

Глазами, налитыми жаркою кровью, –
Не тот ли, кто участь готовил ей вдовью?

[Дары бога смерти]

Царевна сложила молитвенно руки
И молвила голосом горя и муки:

«Ты мощи нездешней явил мне высоты.
Я вижу, ты – бог. Назови себя: кто ты?»

И был ей ответ: «Савитри дорогая,
За то, что живешь ты, добро постигая,

За то, что ко благу ты шествуешь прямо,
Откроюсь тебе: я – всеправляющий Яма.

Сатьявана срок наступил. И петлюю
Свяжу, унесу его, в бездне сокрою.

Он, праведник, был тебе верным супругом,
Поэтому сам я пришел, а не слугам

Своим поручил унести его ныне, –
Смиранный, он чтит и богов и святыни».

Связал он Сатьявана быстро, умело
И душу извлек из безгласного тела:

То был человек, не больше чем палец, –
И стал бездыханным царевиц-страдалец.

Исчезла душа – красота отлетела,
Уродливым стало бездушное тело.

Бог смерти направился в сторону юга,
Однако великая сердцем супруга,

Страдая и плача, с надеждой упрямой,

Безгрешная, шла неотступно за Ямой.

«Вернись, – посоветовал бог непреклонный, –
Сверши над супругом обряд похоронный,

Свой долг до конца ты исполнила честно!»
В ответ – Савитри: «Нам издревле известно, –

За мужем жена да последует всюду.
Он жил, – с ним была я, и с мертвым пребуду!

За то, что при муже отшельницей стала,
За то, что я старших всегда почитала,

За то, что усердно молилась, постилась,
За то, что и ты мне явил свою милость, –

Преграды не будет мне ставить дорога!
Нам, людям, законов завещано много,

Но дружбы закон – выше всех возглашаем,
И если мы дружбы обряд совершаем,

Семь раз вокруг огня мы ступаем стопою^[18].
Я тоже прошла семь шагов за тобою,

И, значит, закон я исполнила главный,
С тобой подружилась я, бог многославный!»

Царь предков, бог смерти, сказал, красноокий:
«Явила ты, женщина, разум глубокий,

Слова твои звуком и мыслью богаты,
Даренье за это проси у меня ты,

Я дам, кроме жизни супруга, – любое!»
Страдалица молвила слово такое:

«Мой свекор ослеп и лишился державы,
Беседуют с ним лишь деревья и травы,

Владыке, живущему в кротком смиренье,
Верни, благородному, сильному, зренья!»

А бог: «Этот дар ты получишь как милость.
Вернись, безупречная, ты утомилась.

Усталая, вижу я, ты исстрадалась».
А та: «Рядом с мужем – откуда усталость?»

Где муж, там и я. Скреплены мы судьбою.
Ты мужа уносишь, и я за тобою.

Владыка богов! Ясный ум обнаружим,
Сказав, что светла встреча с праведным мужем.

В одной даже встрече – добро и отрада,
Дружить с этим праведным каждому надо!»

Ответствовал бог: «Твоя речь благодатна,
И мысли на пользу, и сердцу приятна.

Теперь обретешь ты даренье второе,
Проси, кроме жизни супруга, – любое».

А та: «Пусть получит мой свекор державу,
Привержен да будет он благу и праву».

А Яма: «Воссядет он вновь на престоле,
Приверженный благу и праведной доле.

Поскольку второй дождалась ты награды, –
Ступай, соверши над усопшим обряды».

В ответ – Савитри: «Самовластно ты правишь,
Предел ты людским поколениям ставишь,

Насильно в свою их уносишь обитель,
За что и прозвали тебя – Покоритель.

Но знаешь ли ты, в чем добро вековое?
Должны мы любить всех живых, все живое,

Ни в мыслях, ни в действиях зла не питаю, –
Вот истина вечная, правда святая.

Все люди ко многим занятиям способны,
Но те лишь прекрасны, что сердцем беззлобны».

Бог смерти воскликнул: «Слова твои – благо,
Они – как для жаждущих свежая влага.

Заслужено третье даренье тобою,
Проси, кроме жизни супруга, – любое».

А та: «Мой отец не имеет потомства.
Чтоб радостью кончилось наше знакомство.

Ты сто сыновей подари Ашвапати, –
Правителей царства, водителей рати».

И Яма: «Отвагой, умом наделенных,
Сто братьев тебе подарю я законных.

Я этим дареньем тебя успокою,
Вернись, – далеко ведь зашла ты за мною».

А та: «Рядом с мужем идти – далеко ли?
Душа моя дальше стремится на воле!

Послушай: сияющим Солнцем рожденный,
Ты – Дхарма, дарующий правды законы.

Бог смерти, ты грозным могуч правосудьем,
Даешь ты покой и забвение людям.

Мы праведником правоту измеряем,
И больше ему, чем себе, доверяем.

Из той доброты, что в душе утвердилась,
Доверье ко всем существам зародилось.

Прекрасные качества есть человечьи,
Но самое ценное – добросердечье!»

А бог: «От тебя услышал я впервые,
Прелестная, мудрые речи такие.

Ты правду познала, – и в этом заслуга.
Что хочешь проси, кроме жизни супруга».

Сказала царевна: «Пусть род наш продлится,
Пускай от Сатьявана сто народится

Отважных сынов, – у меня ли, на счастье,
Иль, может, у равной супругу по касте.

Хочу, чтобы милость над нами простер ты, –
И это я дар избираю четвертый!»

«Родишь ты, о женщина, – молвил Всеправый, –
Сто смелых сынов, полных силы и славы.

Но ты исстрадалась от горькой утраты,
Вернись, потому что далёко зашла ты».

«Кто добр, тот и прав, – отвечала царевна, –

Он крепок духовно и стоек душевно.

Общение добрых сердца озаряет,
На доброго добрый без страха взирает.

На добрых земля утвердилась в покое,
В них, в добрых, – и будущее и былое.

От доброго добрый не ждет злодеянья,
За злодеянья не ждет воздаянья.

Добро никогда не бывает напрасно,
Всевластно добро, потому и прекрасно!»

«Пока, – бог отвечивал, – ты говорила,
Душе моей речь твоя радость дарила,

И мысль твоя, слогом красивым одета,
Казалась источником чистого света.

Ты стала мне ближе дитяти родного.
Добро, – ты права, – всех деяний основа.

Проси, чего хочешь, и дар несравненный
Я дам тебе – любящей, верной, смиренной!»

А та: «Мною дар избирается пятый.
Да будешь ты милостив, благом богатый!»

Верни мне Сатьявана, если права я!
Пушкой оживет он: без мужа мертва я!

Без мужа не надо мне хлеба и крова!
Без мужа не надо мне неба дневного!

Без мужа не надо мне вешнего цвета!
Без мужа не надо мне счастья и света!

Не надо мне дома, и поля, и сада, –
Без мужа мне жизни не надо, не надо!

Ты сто сыновей посулил мне, однако
Уносишь Сатъявана в логово мрака.

Прошу я: ты жизнь возврати ему снова,
И правдой твое да насытится слово!»

[Бог смерти возвращает Сатъявану жизнь]

«Да будет, как просишь, – сказал убежденно
И петлю свою развязал Царь Закона. –

О чистая, муж твой отпущен. Отселе
Уйдете вдвоем и достигнете цели.

Согласно заветам и древним обрядам,
Четыреста лет проживете вы рядом.

Сто славных сынов ты родишь, и царями
Сыны твои станут, и богатырями,

Потомками будут гордиться своими,
Твое, сквозь века, пронесут они имя.

И сто сыновей, чье прозвание – малавы,
Отец твой родит ради правды и славы.

Как тридцать богов, будут силой богаты
Все братья твои, облаченные в латы».

Сказав, удалился, светясь лучезарно.
Она, посмотрев ему вслед благодарно,

Над телом усопшего мужа склонилась.
Ждала, трепеща: совершится ли милость?

Вновь голову мужа себе на колени
Она положила, присев среди растений,

И тот, кто лежал на земле бездыханно,
Открыл свои губы и очи нежданно,

Как будто он только заснул – и проснулся,
Как будто из странствий далеких вернулся!

Сказал, на любимую с лаской взирая:
«Не правда ли, долго я спал, дорогая?

Скажи, не во сне ли я видел ужасном:
Тащил меня муж в одеянии красном?»

В ответ – Савитри: «О великий в стремленьях!
Ты сладко заснул у меня на коленях.

Бог смерти сюда приходил красноокий...
Скажи, – исцелил тебя сон твой глубокий?

И если прошла твоя боль головная, –
Пойдем, ибо тьма наступает ночная».

Сатьяван, обретший сознание снова,
Взглянул на цветение мира лесного

И молвил, как будто от сна восставая:
«Рубил я дрова, о жена дорогая,

Почувствовав боль в голове, на колени
Твои я прилег, чтоб найти исцеленье.

Вдруг тьмою оделись поляны и рощи.

Я мужа увидел неслыханной мощи.

Что было со мною? То сон или бденье?
То был человек иль явилось виденье?»

Сказала жена: «Мгла ночная сгустилась.
Поведаю завтра о том, что случилось.

И мать и отца ты оставил в смятенье,
Пойдем, ибо ночи надвинулись тени.

Здесь ищет свирепая нечисть корысти,
Здесь рыщет зверье, здесь тревожатся листья,

Здесь воют шакалы, – полна я испуга
От их голосов, долетающих с юга».

А муж: «Но во тьме ты не сыщешь дороги,
Боюсь, что от страха отнимутся ноги».

Она: «Вот огонь, раздуваемый ветром:
Лес нынче горел; если хочешь ты, светлым

Я сделаю путь, прогони опасенья, –
Огонь принесу, разожгу я поленья.

Но если ты болен, идти тебе трудно,
А ночью дорога опасна, безлюдна,

Тогда посидим у костра до рассвета,
А завтра пойдем, о блюститель обета!»

Сатьяван: «Прошла моя боль головная,
Родители ждут меня, тяжело страдая.

До сумерек мать запрещала мне слезно
Скитаться, – ни разу я не был так поздно

В лесу! Даже днем поброжу я немного, –
Уже у родителей в сердце тревога,

Вернусь, – от обиженных слышу упреки:
«Как долго в лесу ты бродил, одинокий!»

В каком же волнении родители ныне,
В тревоге какой о единственном сыне!

Как часто, когда вечера наступали,
Они говорили мне в светлой печали:

«Докуда ты жив, мы не знаем забвенья.
Не сможем прожить без тебя и мгновенья.

Сыночек, ты – посох для старца слепого,
Ты наших потомков – оплот и основа,

В тебе – поминальная жертва, и слава,
И нашего рода надежда и право!»

Как мог я в лесу утомиться так скоро,
Когда я – родителей слабых опора!

Лишиться страшусь стариков своих милых, –
Я вынести горе такое не в силах!

Я знаю, волнуется наша обитель,
Терзается думой бессонный родитель,

Измучена матушка скорбью своею, –
О нет, не себя, – стариков я жалею!

Живу я, чтоб жили они, торжествуя, –
Для счастья, для жизни двух старцев живу я!»

Сказал и воздел он с рыданием руки.
Услышав отчаянья громкие муки,

Воскликнула праведница молодая,
С ресниц его слезы рукою снимая:

«Пусть свекра с свекровью хранит моя сила, –
Обеты и жертвы, что я приносила.

Вовек не сказала я речи обманной, –
Так пусть моя правда им будет охраной!»

Сатьяван: «Пойдем, ибо сердцем измучусь,
Боюсь, что ужасна родителей участь.

А будет им горе, – покончу с собою.
Пойдем же, прекрасная, темной тропою».

Тогда обняла Савитри молодая
Супруга, подняться ему помогая.

Он встал, и растер свое тело, и взглядом
Окинул кошелку, стоявшую рядом.

Она: «Завтра утром придем за плодами,
А острый топор пусть отправится с нами».

Повесив кошелку на ветке древесной,
Царевна топор подняла полновесный

И, мужа другой обнимая рукою,
Лесною тропою, безлюдной, глухою,

Пошла, дивнобедрая, легкой походкой.
Сатьяван сказал ей, прелестной и кроткой:

«Здесь часто бывал я и знаю дорогу.
К тому же и месяц растет понемногу.

Тропа раздвоится, достигнув поляны, –
На север пойдем, где приют мой желанный.

Здоров я, нетрудно шагать мне далече,
С отцом, с милой матерью жажду я встречи».

[Возвращение Савитри и Сатьявана]

Дьюматсена, годы влачивший в смиренье,
Внезапно обрел, осчастливленный, зренье.

Пошел он с женой своей, Шайбьей, в другие,
Соседние пустыни, рощи глухие.

Измучились, дряхлые, в поисках сына,
И горькою стала двух старцев судьбина.

Листок затрепещет, просвищет ли птица,
Сорвется ли плод иль ручей заструится, –

Спешат, задыхаясь, услышав те звуки:
«Сатьяван с женою идут вдоль излучки!»

С телами, в которых торчали занозы,
С глазами, в тоске изливавшими слезы,

С ногами, что стерлись и были разбиты, –
Родители, грязью и кровью облиты,

Метались в лесу среди растений безгласных.
Увидели брахманы старцев несчастных,

В обитель свою привели их с дороги,
Стараясь развеять страдальцев тревоги,

Рассказ повели о деяньях героев,
О древних царях, стариков успокоив,

А те говорили о сыне рассказы,
Про детство его и былые проказы,

И плакали и восклицали, рыдая:
«О, где ты, сынок? Где сноха молодая?»

Так первый отшельник сказал им утешно:
«Была Савитри беспорочна, безгрешна,

Поэтому знайте, поэтому верьте:
Сатьяван женою избавлен от смерти!»

Второй: «Над собой одержал я победы,
Старательно мною изучены веды,

Я с юности жил в целомудрии строгом,
Пред Агни я чист – семипламенным богом,

И знаю, святыми жрецами наставлен:
Сатьяван женою от смерти избавлен».

И третий сказал: «Ученик я второго.
Насыщено правдой учителя слово.

Он прав, ибо даром провидца прославлен:
Сатьяван женою от смерти избавлен».

Четвертый сказал убежденно и веско:
«Не станет вдовицею ваша невестка, –

И с этим надежду свою соразмерьте:
Сатьяван женою избавлен от смерти».

И пятый: «Обет воздержанья от пищи
Блюдет Савитри, чтобы сделаться чище,

Ты зренье обрел и весь мир тебе явлен, –
Так, значит, Сатьяван от смерти избавлен».

Шестой: «Так как в должном кричат направлень
И птицы и звери, а ты, чье правлень

Законно, опять овладеешь страной, –
Сатьяван от смерти избавлен женою».

Седьмой: «Царский сын наделен долголетьем,
Так, значит, живого Сатьявана встретим!»

Полночи минуло в таком разговоре,
Страдальцев немного развеялось горе, –

И видят: в приют, где живет благочестье,
Вступает царица с Сатьяваном вместе.

Сказали жрецы: «О былом не восплачем!
Ты встретился с сыном, ты сделался зрячим,

К тебе Савитри возвратилась обратно,
О царь, значит, счастье твое троекратно,

А скоро пребудешь в покое и мире,
И счастье твое станет больше и шире».

Затем разожгли святожители пламя,
Дьюматсену громко почтили хвалами.

Как дым, улетучились грусть и кручина.
Спросили отшельники царского сына:

«Ты поздно вернулся порою ночью, –
Иль раньше не мог возвратиться с женою?»

Быть может, преграда была на дороге?
Отец твой и мать истерзались в тревоге,

Мы тоже к богам обращались с мольбою, –
Царевич, поведай, что было с тобою?»

Сатьяван: «Мы в глубь углубились лесную,
И вдруг я почувствовал боль головную.

Заснул я, ища исцеленья от боли, –
Так долго ни разу не спал я дотолле!

Мы поздно вернулись по этой причине,
И поводов нет для смятенья отныне».

Спросил старший жрец: «Неужели случайно
Прозрел твой отец? Если это не тайна,

То пусть Савитри, чей прославится разум,
Тьму ночи развеет правдивым рассказом».

«Не прячу я тайны, – царевна сказала, –
Всю правду поведаю вам от начала.

Предсказанный мудрым день смерти супруга
Пришел. Не хотела покинуть я друга.

Заснул он в лесу под листвою густою.
Вдруг Яма всеильный явился с петлею.

Связал он супруга петлею смертельной,
Понес его к праотцам в край запредельный.

Я грозного бога хвалами почтила

И пять драгоценных даров получила:

Два дара для свекра – держава и зренье;
Отцу моему – сто сынов; и даренье

Четвертое – сто сыновей мне, смиренной;
Сатьявана жизнь – пятый дар несравненный!

Четыреста лет проживем без тревоги:
Недаром обет выполняла я строгий.

Правдиво поведала вам, без пристрастья,
Как счастьем окончились наши несчастья».

Сказали подвижники: «В море страданий
Тонул царский род, погибая в тумане.

Жена, чьи поступки и помыслы святы, –
Семью властелина от смерти спасла ты!»

Воздав наилучшей из женщин хваленье,
Жрецы удалились в свое поселенье.

Вновь сели при первом дыханье прохлады
И утренние совершили обряды.

Внезапно старейшины-шалвы, все вместе,
Пришли, принесли долгожданные вести:

«Придворный убил похитителя власти,
И войско бежало, распавшись на части.

Народ в единенье Дьюматсену славит:
«Незрячий иль зрячий – пусть нами он правит!» –

О царь, с этим прибыли мы из столицы,
Собрав твоё войско и взяв колесницы.

Услышь славословья народа родного,
Воссядь на престоле наследственном снова!»

Упали, на облик взглянув величавый:
Вновь зренье обрел повелитель державы,

Как будто он снова и силен и молод!
Почтил он жрецов и отправился в город

В большой, запряженной людьми, колеснице,
Где место нашлось и снохе и царице.

Вновь стал он царем, а наследником трона –
Сатьяван, – и страж и опора закона.

Величье его Савитри озарила,
Когда ему сто сыновей подарила,

И сто сыновей произвел Ашвапати –
Властителей царств и водителей рати.

Отца, и супруга, и свекра с свекровью
Спасла Савитри всепобедной любовью.

[О богатыре Карне]

На стороне кауравов сражался великий богатырь Карна, считавшийся сыном возничего. Однажды Кунти открыла ему, что он ее сын, рожденный ею от Сурии, бога солнца, и что он должен помогать пандавам, так как они его братья. Но Карна не захотел покинуть своего покровителя Дурьйодхану и только пообещал матери, что в грядущих битвах он пощадит всех пандавов, кроме Арджуны, – чтобы люди не подумали, что он, Карна, испугался этого прославленного, непобедимого воина.

Тайна рождения Карны раскрывается в «Сказании о чудесных серьгах и панцире».

**[Сказание о чудесных серьгах и панцире]
Араньяка Парва
(Книга третья, «Лесная»)
Главы 284–294**

[Бог Солнца является Карне́ в облике брахмана]

...Двенадцать исполнилось лет, как расстались
Пандавы с отчиной, в изгнание скитались.

Вот Индра решил: у Карны он попросит
Те серьги, которые праведник носит.

Как только бог солнца проведал об этом,
Явился к Карне Обладающий Светом,

А витязь, чьи серьги и панцирь блестели,
Могучий, в то время лежал на постели.

Сверкающий Сурья, в заботливом бденье,
Предстал перед сыном в ночном сновиденье,

Но в облике брахмана, что красотою
Духовною – каждой светился чертою.

Войдя, он склонился к его изголовью.
Чтоб сыну помочь, он промолвил с любовью:

«О веры защитник и правды основа,
Возлюбленный сын, ты прими мое слово!

Заботясь о детях Панду, за серьгами
Придет к тебе Индра, сверкая глазами.

Он знает, что людям ты благо приносишь, –
Всегда отдаешь, ничего ты не просишь,

Что брахмана встретить не можешь отказом:
Ты все, что имеешь, отдашь ему разом!

Как брахман, появится Индра гремящий,
Чтоб выпросить серьги и панцирь блестящий.

Ты должен быть ласков, почтителен с богом,
Однако же, под благовидным предлогом,

Другие вручи Громовержцу даренья,
Но только не серьги, о полный смиренья!

Все доводы ты приведи без пристрастья,
Дай женщин ему, ожерелья, запястья,

Но только не серьги: меня ты состаришь,
И сам ты умрешь, если серьги подаришь!

Владея серьгами и в панцирь одетый,
От вражеских стрел не погибнешь нигде ты.

Из а́мриты серьги и панцирь возникли:
Храни их, чтоб годы твои не поникли».

Карна: «Кто ты, мудрый, как брахман одетый,
Явивший мне дружбу, дающий советы?»

А брахман: «Я тот, кто лучами владеет,
О благе твоём наивысшем радеет».

Карна: «Благо есть уже в том, что с речами
Благими пришел ты, богатый лучами.

Молю я тебя, чьи реченья – отрада:
Меня отвращать от обета не надо.

Обет мой таков: отдаю, что имею, –
Для брахманов я ничего не жалею!

И если, чтоб были довольны пандавы,
Придет ко мне Индра как брахман лукавый, –

Отдам ему серьги и панцирь отменный,
Да слава не меркнет моя во вселенной.

Со славою смерть, гибель в битве неравной –
Стократно достойнее жизни бесславной!

Я серьги и панцирь – сей дар небывалый –
Отдам Сокрушителю Вритры и Балы,^[19]

Защитнику братьев-пандавов. И прав я:
Мне слава нужна, – бог добьется беславья!

Со славой достигну я выси небесной,
Кто славы лишен, – поглощается бездной.

Бесславые в живом убивает живое,
А слава дает нам рожденье второе.

О славе людской, – о блистаньем высокий, –
Создатель сложил эти древние строки:

«Здесь, в мире земном, слава – жизни продленье,
А в мире ином слава – к свету стремленье».

Обет исполняя достойный и правый,
Я серьги и панцирь отдам ради славы,

А если я в битве погибну кровавой,
То, с жизнью расставшись, останусь со славой.

Детей, стариков и жрецов ограждая,
Щажу оробевших в сраженьи всегда я,

Тем самым я славы достигну по праву:
Ведь жизнью готов заплатить я за славу.

Поэтому Индре явлю свою милость,
Чтоб слава моя в трех мирах утвердилась!»

А Сурья: «Карна, мощнорукий и смелый,
Ни детям, ни женам дурное не делай.

Прославиться люди хотят во вселенной,
При этом не жертвуя жизнью бесценной.

А ты? Платой жизни за славу ты платишь,
Однако и славу и жизнь ты утратишь!

Живое живет для живого на свете, –
И мать, и отец, и супруга, и дети.

Для жизни нужна властелинам отвага,
Лишь в жизни, о бык средь людей, наше благо!

Живые нуждаются в славе с хвалою, –
Что делать со славою ставшим золою?

Услышат ли мертвые голос хвалебный?
Ужели усопшим гирлянды потребны?

Я знаю, ты предан мне, муж крепкостанный,
Поэтому стал я твоею охраной,

Но если пришел я, тебе помогая, –
Причина для этого есть и другая.

Во мне она скрыта, и что ни твори ты,

А тайны бессмертных от смертных сокрыты.

Поэтому я умолкаю. Однако
Со временем тайну исторгну из мрака.

Я вновь говорю, отправляясь в дорогу:
Серег не давай громоносному богу!

Серьгами блистаешь ты, воин суровый,
Как месяц в созвездии Вишакхи новый.

Не мертвому слава нужна, а живому:
Серег не давай Сопричастному Грому!

Придет к тебе бог с громовой стрелой, –
Встречай его лестью, почтеньем, хвалою,

Дай всё, украшая учтивостью речи, –
Но только не серьги, не серьги при встрече!

Пойми: совладаешь с любыми врагами,
Пока обладаешь такими серьгами.

Пусть Индра для Арджуны станет стрелой, –
Не справится Арджуна грозный с тобою.

Тогда только Арджуну в прах ты повергнешь,
Когда домогательства Индры отвергнешь».

Карна: «Я привержен тебе, всеблатому,
О Жарколучистый, – тебе, не другому!

Дороже ты мне, чем сыны и супруга,
Чем сам я, чем родича близость и друга!

А к преданным люди с великой душою
Относятся с лаской, с любовью большою.

Вот истина: к прочим богам равнодушен,
Тебе лишь я предан, тебе лишь послушен!

Но, снова и снова склоняюсь пред тобою,
К тебе обращаюсь, о Светлый, с мольбою:

Не смерти страшусь, а боюсь я обмана,
А смерть ради жизни жреца мне желанна.

А если сказал ты об Арджуне слово,
То горя не должен ты знать никакого:

Ты видишь, как славно мечом я владею, –
Врага без серег победить я сумею!

Обету позволь же мне следовать строго:
Отказом не встречу могучего бога».

«Коль серьги, – сказал Обладающий Светом, –
Отдашь, то условие поставишь при этом:

«Вручи мне копье, чтоб враги оробели,
Копье, что без промаха движется к цели,

Тогда-то, о Тысячи Жертв Приносящий,
Я дам тебе серьги и панцирь блестящий!»

Есть в этом условии надежда и разум:
Копьем, что подарено Тысячеглазым^[20],

Врагов сокрушишь, проявляя геройство.
Известно копия драгоценное свойство:

К бойцу не вернется обратно, доколе
Всех недругов не уничтожит на поле!»

Сказав, он сокрылся, великолучистый,
А утром, пред Солнцем, с молитвою чистой

Склонившись, с любовью и верой во взоре,
Поведал Карна о ночном разговоре.

И бог, что всегда лучезарен и светел, –
«Воистину так», – улыбаясь, ответил.

Узнав, что в словах о копье нет обмана,
Стал думать Карна о копье постоянно,

Стал думать о встрече с царем над богами,
Хотя и пришлось бы расстаться с серьгами...

Но тайну какую, одетый лазурью,
Сокрыл от Карны Озаряющий Сурья?

Да скажет мудрец: этот панцирь – откуда?
Откуда те серьги, таящие чудо?

И что утаил Обладающий Светом?
Правдивую повесть расскажем об этом.

[Брахман дарит царевне Кунти заклинание]

К царю Кунтибхódже явился когда-то
Высокого роста, прямой, бородатый,

С косою заплетенною брахман суровый,
Могучий сложением, желто-медовый,

Готовый на подвиг, исполненный рвенья,
Со взором, в котором – огонь откровенья.

«О добрый, – сказал сей источник сиянья, –

В жилище твоём я прошу подаянья.

И если и ты, и твои домочадцы
Меня не принудят страдать, огорчаться,

И если тебе это будет угодно,
То стану я жить у тебя, благородный.

Когда пожелаю, уйду и приду я.
Тогда лишь покину тебя, негодуя,

Когда уличу вас в дурном поведении, –
И ложе мое оскорбят и сиденье».

А царь: «Твой приход, о безгрешный, прекрасен,
О жрец, я на большее даже согласен!

Есть дочь у меня, что горда, и стыдлива,
И благочестива, и трудолюбива.

Зовут её Кунти. Кротка, добронравна,
Тебе она будет служить преисправно».

Почтил он жреца и со словом наказа
Направился к дочери огромноглазой:

«О милая! Светел душой, как денница,
Решил в нашем доме святой поселиться.

Я верю: служить ему будешь любовно,
Что скажет, исполнишь ты беспрекословно.

Служением брахману сердце очисти,
И что ни попросит – отдай без корысти,

Затем, что жрецы – это блеск беспримерный
И подвиг безмерный и неимоверный.

Вата́пи, что славился демонской властью,
Разгневал своим поведением Ага́стью^[21]:

К жрецам непочтителен был он, – за это
Его уничтожил блюститель обета.

Когда бы не брахманов мудрых моления,
Сокрылось бы Солнце от нашего зренья.

Отраду, святому служа, обретаешь.
Я знаю, ты с детства почтенье питаешь

К жрецам и родителям, к близким и слугам
И к каждому, кто нам приходится другом.

Все в городе нашем довольны тобою.
Ты ласкова даже с бесправной рабою.

О дочь, за тебя мое сердце спокойно,
Гневливому гостю служить ты достойна.

Ты, Кунти, мне дочерью стала приемной,
Отец тебя отдал с любовью огромной.

«Она, – он сказал мне, – сестра Васудевы,
Померкли пред ней наилучшие девы».

Ты, в доме рожденная славном и знатном,
Мне стала сокровищем, сердцу приятным.

Как лотос из озера в озеро снова,
В мой дом перешла ты из дома родного.

Средь девушек низкорожденных, не строго
Воспитанных в доме, – испорченных много.

А ты унаследовала и величье
Властителей, и послушанье девичье.

Поэтому ты безо всякой гордыни
Служи многомудрому брахману ныне,

А если рассердится дваждырожденный^[22], –
Погибнет мой род, на костер осужденный!»

Царевна: «О Индра среди властелинов!
Служить ему буду, гордыню отринув!

Я счастье и благо найду, молодая,
Жрецу угождая, тебя почитая.

Придет ли он рано, вернется ли поздно, –
Я сделаю так, чтоб не гневался грозно.

Мне радостно брахманам мудрым служенье:
В подобном служенье – мое возвышенье.

Мудрец будет мною почтительно встречен,
И будет уход за жрецом безупречен.

На пользу тебе и на благо святому
С усердьем начну хлопотать я по дому.

О царь, из-за брахмана смуты не ведай:
Служенье ему завершится победой.

Виновных пред брахманом ждет наказанье.
Ты вспомни, – беда угрожала Суканье:

Был Чьявана-жрец погружен в созерцанье,
Тогда муравейник – высокое зданье –

Создать вокруг него муравьи попытались:
Глаза только видными в куче остались!

Царевна Суканья, увидев два ока,
В них палкою ткнула. Рассержен жестоко,

Хотел наказать ее дваждырожденный,
Но отдал отец ее брахману в жены...»

Приемную дочь повелитель восславил
И мудрому брахману Кунти представил:

«Вот дочь моя, брахман. Не надобно злиться
На девушку, если она провинится:

Великий судьбою на старых и малых
Не сердится, если проступок узнал их.

Довлеет от брахманов, мир утешая,
Большому проступку и кротость большая.

О лучший из мудрых, явив снисхожденье,
Принять от нее соизволь угожденье».

Ответил согласием знающий веды,
И царь, осчастливленный ходом беседы,

Отвел ему дом, что своей белизною
Соперничал с лебедем или с луною,

И там, где священное пламя хранилось,
Дал пищу, сиденье и всякую милость.

Отбросив гордыню и леность, царевна
Служила святому прилежно, безгневно, –

Ему, что покорен обету, упорно,

Как богу, служила, обету покорна!

«Я утром приду», – говорит он порою,
А ночью придет иль с вечерней зарею,

Подвижнику девушка не прекословит, –
И воду, и пищу, и ложе готовит,

И что он ни сделает, – лучше и чище
Становятся ложе, сиденье, жилище.

Придет на рассвете иль ночью глубокой, –
От девушки брахман не слышит упрека.

Нет пищи? «Поддай!» – говорит он сурово,
А девушка с кротостью: «Пища готова!»

И с радостью хочет ему подчиниться,
Как дочь, как сестра, как его ученица.

Доволен был брахман ее поведением,
Ее обхождением, ее угождением.

«Доволен ли жрец?» – вопрошал каждодневно
Отец. – «О, весьма!» – отвечала царевна.

Предметом внимательнейшего ухода
Был брахман на всем протяжении года.

Сказал он: «О ты, с безупречным сложеньем!
Весьма я доволен твоим услуженьем.

Увидев добро, мы добра не забудем.
Дары назови, недоступные людям,

Чтоб тяжкий твой труд был достойно увенчан,
Чтоб стала ты самую славной из женщин».

А Кунти: «И ты и отец мой довольны,
И в этом – дары для меня, сердобольный».

А жрец: «Если дара не хочешь, то дать я
Хочу тебе чудную силу заклятья.

Какого захочешь ты вызовешь бога,
Бессмертным приказывать сможешь ты строго,

И все, что прикажешь, заклятью подвластны,
Исполнят, – пусть даже с тобой не согласны».

Вторично она отказаться страшилась:
В проклятье могла обратиться немилость!

И жрец даровал ей слова заклинанья
Из древних писем сокровенного знанья.

Затем он сказал Кунтибходже: «Приемной
Твоею доволен я дочерью скромной.

Я жил у тебя, наслаждаясь покоем.
Прощайте, я вам благодарен обоим».

Сказав, он исчез, растворясь в отдаленье,
И царь Кунтибходжа застыл в изумленьи.

[Кунти соединяется с богом Солнца]

Шло время. Красавицу дума томила:
«Какая в заклятье содержится сила?

Мне брахман его даровал не случайно,
Настала пора, чтоб открылась мне тайна».

Так думала думу, и стало ей видно,
Что месячные наступили. И стыдно

Ей было, невинной и чистой, и внове:
Пошли у нее до замужества крови!

Взглянула – и Солнца увидела прелесть:
Так ярко лучи поутру разгорелись.

И было дано ей чудесное зренье,
И бога увидела в жарком горенье:

Серьгами украшен Властитель Рассвета,
А тело в сверкающий панцирь одето!

Тогда, любопытством объята, решила
Узнать, какова заклинания сила.

Глаза, уши, губы и ноздри водою
Смочила и древнею речью святою

Создателю Дня появиться велела.
И Солнце коснулось земного предела,

И бог снизошел, покорясь ее власти,
Слегка улыбаясь, в венце и запястье,

Могучий, высокий, медвяного цвета
И все озаряющий стороны света.

Он с помощью йоги тогда раздвоился:
На небе взошел и пред Кунти явился.

Он нежно сказал: «Ради силы заклатья
Твои приказанья готов исполнять я.

Я все для тебя сотворю, о царица,

Обязан я воле твоей подчиниться».

А Кунти: «Мое любопытство виною
Тому, что тебя позвала. Надо мною

Ты смилуйся, бог, и на небо вернись ты!»
«Уйду, как велишь ты, – ответил Лучистый, –

Но, бога призвав, ты не вправе без дела
Его отсылать... О, скажи, ты хотела

(Не высказана, мне известна причина)
От Солнца родить несравненного сына,

Чтоб мощью отважной сравнялся с богами,
Чтоб панцирем был наделен и серьгами.

Поэтому мне ты отдайся, невинна,
И, тонкая в стане, получишь ты сына.

А если отвергнешь со мною сближенье, –
Я все, что живет, обреку на сожженье,

Навеки тебя прокляну, о царевна,
И, прокляты, будут наказаны гневно

И брахман, тебе даровавший заклатье,
И царь, твой отец, потерявший понятые.

Я дал тебе чудное зренье. Смотри же
На сонмы богов, что все ближе и ближе:

Смеясь надо мною, в небесном чертоге
Сидят, возглавляемы Индрою, боги!»

И тридцать богов своим зреньем чудесным
Увидела Кунти на своде небесном,

И юная дева смутилась немного,
Трепещущая, попросила у бога:

«Умчись на своей колеснице далече!
Как девушке слушать подобные речи!

Нет, в сговор с тобой не вступлю я опасный,
Над телом моим лишь родители властны.

Коль женщина тело отдаст, то и душу
Погубит. О нет, я закон не нарушу!

По глупости детской, чтоб силу заклатья
Проверить, тебя захотела позвать я.

Подумав, ко мне прояви благосклонность,
Прости, о Лучистый, мою несмышленость».

«Тебя неразумным ребенком считая,
Я мягок с тобой. А была бы другая, —

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

Амрита – напиток бессмертия, добытый богами и демонами при пахтанье молочного океана.

2.

В честь Индры* заклал он коней быстролетных... – Речь идет об обряде ашвамедха (заклание коня), который совершали цари, желавшие продолжения своего рода или отправлявшиеся на завоевание соседних государств.

3.

Васу – восемь божеств, прислужников бога Индры. Веды – священные книги индусов. Их насчитывается четыре: «Ригведа», «Яджурведа», «Самаведа» и «Атхарваведа». Предположительно созданы в конце II – первой половине I тыс. до н. э.

4.

Текущая в трех мирозданиях. – По индуистской мифологии, река Ганга протекает в небесах, на земле и под землей.

5.

Шала – высокое величественное дерево.

6.

...Ушел – и в лесной поселился чащобе. – По религиозным законам, жизнь брахмана разделялась на четыре стадии – ашрама. В третьей стадии брахман должен был уходить в лес, с тем чтобы посвятить себя служению богу.

7.

С певцами небесными... – то есть с гандхарвами, небесными певцами и музыкантами, увеселяющими богов.

8.

Иль то божество красоты приближалось, // На лотосе чистом пред ним возвышалось? – Имеется в виду богиня красоты, счастья и богатства – Лакшми (Шри), которая, по легенде, стояла на лотосе.

9.

Я – мудрым Джакну возрожденная влага... – Джакну – мудрец-риши. По преданию, Ганга первоначально протекала на небесах. Когда мудрец Бхагиратх низвел ее на землю, она нарушила благочестивые размышления Джакну, и тот, рассерженный, выпил ее. Однако впоследствии он раскаялся и выпустил реку через ухо. Поэтому Гангу называют иногда Джакнави.

10.

Богиня, дочь Дакши, в нее воплотилась... – Подразумевается божественная корова Сурабхи, которая утоляла желания и которую чтили как источник молока.

11.

Четыре сословья – четыре варны (буквально: «окраска»): брахманы – жрецы и ученые, знатоки священных книг, кшатрии – правители и воины, вайшья – торговцы и земледельцы, и шудры – рабы, которые должны были обслуживать три другие варны.

12.

Сваямвара – форма брака, при которой невеста выбирала жениха из числа претендентов, приглашенных ее отцом.

13.

Шалвы – жители государства Шалва.

14.

Хайхай – племя, которому приписывается скифское происхождение. Их вождем был Арджуна Картавирия (Тысячерукий).

15.

Мадры – жители страны Мадра, помещавшейся на востоке современного Афганистана.

16.

Парван – день изменения фазы луны.

17.

Взлетел в третье небо... – На третьем, высшем небе, по индуистской мифологии, обитают боги.

18.

Семь раз вокруг огня мы ступаем стопою... – Обход огня – обряд, скрепляющий брак или дружеский договор.

19.

Отдам Сокрушителю Вритры и Балы... – то есть Индре, который победил насылающего засуху демона Вритру и асура (асур – противник богов, демон) Балу.

20.

Тысячеглазый – эпитет бога Индры.

21.

Ватапи, что славился демонской властью, // Разгневал своим поведением Агастью... – Демон Ватапи имел обыкновение перевоплощаться в барана и, когда кто-нибудь его съедал, выбегал наружу. Тот же хитрый прием он попробовал проделать с мудрецом Агастьей, но Агастья не дал ему выбежать и переварил его в своем желудке.

22.

Дваждырожденный. – По представлениям индусов, человек, не имеющий знаний, подобен животному. Поэтому получение знаний приравнивалось ко второму рождению. Дваждырожденными считались представители первых трех сословий (варн). Однако обычно этот эпитет применялся по отношению к брахманам.